Мир миров

Автор:
Павел Майка

Мир миров

Павел Майка

Мир миров #1Шедевры фэнтези

Первая мировая война была трагедией, но закончилась она иначе. На Землю высадились марсиане. Вторжение было отбито, плененные на поверхности планеты пришельцы были ассимилированы, но мир изменился безвозвратно. Сброшенные захватчиками мифобомбы освободили энергию веры, которая оживила персонажей из мифов, сказок и легенд. Дома теперь окружают охранными барьерами, божественные патроны охраняют города, а герои и чудовища преданий, былин, романов и исторических хроник так же реальны, как и обыкновенные люди. В этом мире богатый краковский марсианин снаряжает экспедицию, решив найти инопланетный корабль, упавший сразу после войны. Только все участники похода – одержимый демоном мститель, поклявшийся найти каждого, кто виновен в смерти его семьи; созданный в лаборатории слепой бог; зависимый от черного молока идеальный стрелок; юноша, разговаривающий с животными, – преследуют свои цели. Они еще не знают, какой кошмар их ждет впереди, ведь на новой Земле возможно почти все, а настоящие монстры из глубин подсознания только начинают свой путь.

Павел Майка

Мир миров

Pawel Majka

Pokoj Swiatow

© Pawel Majka

© Ирина Шевченко, перевод, 2019

© Елена Шевченко, перевод, 2019

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

Когда их везли, на радость зевакам, в открытой повозке, маленький и толстый съежился, напуганный ненавистью толпы. Он пытался уклониться от помидоров и гнилого картофеля, бесформенных комков грязи и камней, которые бросали самые дерзкие. И все время всхлипывал. Он что-то кричал о своей жене и детях и слезно заверял всех в своей невиновности. Убеждал, что произошла большая ошибка, может, верил, будто охваченная безумием людская масса захочет его выслушать.

Высокий седеющий вор в остатках плаща, сшитого из десятка лоскутов, вступил в поединок с жаждущими зрелища смерти горожанами. Он плевал на их головы, смеясь, когда попадал кому-нибудь в раскрасневшееся лицо. На оскорбления отвечал еще более вульгарными оскорблениями и не жалел непристойностей для женщин. Третий осужденный молчал.

Элегантный, молодой, с лицом, полным глубокого достоинства, он закрыл глаза, словно спал. Не реагировал даже тогда, когда в него попадала грязь. Одних его поведение обескураживало, других раздражало, поэтому сложно оценить, была

ли выбранная им стратегия успешной. На самом деле, кидали в него гнилыми овощами реже, однако те, кто упорно хотел победить его равнодушие, целились все точнее и бросали сильнее.

Последний из тех, кого везли на плаху, заслонил лицо, и это была единственная форма внимания, которой он удостоил толпу. Иногда он переговаривался с вором. Заплаканного толстяка и высокомерного юнца игнорировал. Мужчина поднимал голову и осматривал площадь так, словно ждал оттуда спасения, а не казни. А возможно, он уже достаточно натерпелся мучений от толпы и сейчас предпочел бы скорее умереть, чем оставаться игрушкой для сброда.

Когда они наконец достигли центра площади, стража помогла осужденным сойти с повозки и проводила их к висельным петлям. Толстяка пришлось затягивать силой, остальные приняли свою судьбу равнодушно. Толстяка поставили под первой петлей, вора под второй, а того, кто все еще не открывал глаз, словно в летаргическом сне, под третьей. Когда под четвертой петлей поставили ее «жениха», судья вышел, чтобы огласить приговор. Толпа мгновенно примолкла. Почти все уже знали об ужасных злодеяниях осужденных, но, слушая, как судья, овеянный величием закона, зачитывает их описание, собравшиеся ощутили необычную дрожь. Это было частью ритуала. Ведь в этом мире не существовало людей, которые не осознавали важность ритуалов.

Толстяка осудили за удушение любовницы. Вор пал жертвой невезения – на краже со взломом он убил хозяина раритетной саблей, что была частью добычи. Молчун оказался серийным убийцей, который зверски лишил жизни четырех проституток и был схвачен при попытке выпотрошить пятую. Последнего из осужденных петля ждала за убийство достопочтенного господина Буртовецкого, известного и уважаемого президента торговой гильдии, который неоднократно разными деяниями помогал городу. В тот момент, когда был оглашен приговор, толпа нарушила молчание, проклиная убийцу.

На последнем слове толстяк еще раз взмолился о пощаде, чем вызвал отвращение как у осужденных, так и у публики. Его заглушил свист и вой толпы. Зато палача наградили одобрительными воплями, когда тот надел на его голову мешок из черного полотна, не позволяя осужденному закончить речь. Бедняга испуганно вскрикнул и обделался в штаны, вызвав восторг у зевак, в том числе и у вора. Когда того спросили про последнее слово, он обругал судью, палача и всех горожан. Он ругался бы еще долго, но и ему не позволили закончить. Молчун, как обычно, ничего не сказал.

– А ты, мерзавец? – судья обратился к последнему осужденному. – Что ты хочешь сказать? Может, извинишься перед жителями этого города за то, что отнял у них благодетеля, самого щедрого человека под солнцем?

На какой-то миг показалось, будто мужчина действительно хотел что-то сказать о благодетеле города. Однако он передумал и только объявил:

– Осталось еще трое.

Преступник, по-видимому, ничего больше не собирался говорить, поэтому судья, выждав минуту, подал знак палачу, и тот надел мешок на голову убийцы.

Что именно означали слова осужденного, уже не имело значения.

Четверо смертников одновременно повисли на натянутых тросах, к радости толпы, удовлетворив требования правосудия. Они оттанцевали танец висельников, аккомпанируя себе хрипом, и оросили доски телесными жидкостями. Под мешками их лица синели, языки вываливались из широко раскрытых ртов. Вор умер быстро, как и убийца проституток. Толстяк немного помучался, но дольше всего, ко всеобщей радости, умирал убийца мецената, яростно борясь за жизнь, он мучился, как ни один из ранее виденных горожанами осужденных. Никто его не пожалел, и палач не прекратил мук несчастного.

Когда он наконец умер, палач обрезал и его веревку. Помощники палача сняли с трупов все, что могло им пригодиться, после чего сложили тела на телегу и вывезли их далеко за город, на одинокий холм под лесом. Там они бросили всех четырех висельников без погребения, принося их в жертву теням. Убийцы не заслуживали сострадания, а тени, жадные до человеческого мяса и крови, проявляли благодарность к тем, кто их подкармливал. Они спускались с неба и выныривали из-под земли, едва опускался сумрак. Помощников уже и близко не было возле холма.

Тени первым делом кинулись к убийце проституток. Те, что прибыли во вторую очередь, сожрали вора. Припозднившиеся еще более неохотно отведали мясо толстяка, доказывая его невиновность нелестным фырканьем и жалобами на омерзительный вкус.

Только самые отчаянные пытались урвать кусочек мяса от последнего осужденного. Сидящая верхом на его груди мара отгоняла каждого смельчака. Она приняла форму чернокожей женщины с черными волосами и глазами. Ее ладони, заканчивающиеся когтями, представляли собой страшное оружие даже против призраков. Большинство стервятников уважало ее право на еду, поэтому она воевала только с теми немногими, кто прибыл слишком поздно и теперь хотел поживиться хотя бы кусочком мяса. Они напрасно подкрадывались к последнему осужденному – мара была бдительнее, быстрее и сильнее их. Самые смелые убегали с визгом, когда попадали под ее черные когти. Наконец, незадолго до рассвета, все исчезли. Тогда мара наклонилась к своему избраннику и поцеловала его – долгим, страстным поцелуем. Она не отрывала от него губ, пока тело повешенного не задрожало, пока мужчина не пошевелил рукой, пытаясь то ли обнять демоницу, то ли напротив – оттолкнуть ее.

Он захрипел, силясь что-то сказать. Одной ладонью женщина закрыла ему рот, другую положила на грудь.

– Тихо, мой милый. Ты должен набраться сил.

Он кивнул и только сейчас открыл веки, чтобы посмотреть ей в глаза: черные, с кругами более глубокой тьмы на месте зрачков. Она снова показалась ему прекрасной, как тогда, когда он увидел ее впервые. Превозмогая слабость, он поднял руку, чтобы погладить ее по щеке, шелковистой и холодной.

– Осталось еще трое, – прошептала она и, заметив первый луч солнца, поцеловала мужчину еще раз, долго, пока вся не проникла в его тело и душу.

Первый

Глава 1

Июнь 1972 года по старому календарю, пятьдесят седьмой год Предела, двадцатый год Мира

Поезд въехал на Центральный вокзал в Кракове, как всегда доказывая своей пунктуальностью величие объединенных сил технологии и энергиков. Машинист объявил о прибытии протяжным локомотивным гудком, выпуская сжатую струю пара. Он поцеловал всегда холодный железнодорожный амулет, висящий над котлом, и поклонился хранителю. Перемазанное сажей существо, напоминающее гнома, которого можно встретить на рудниках, радостно пискнуло и нырнуло назад в догорающий огонь. Могучий локомотив аж содрогнулся от притока энергии.

Дрожь передалась вагонам – и эксклюзивным, для первого класса, и самым дешевым, в которые набивались бедняки и редкостные жлобы. Машинист усмехнулся, пригрозив пальцем хранителю. Тот ответил из нутра котла радостным хохотом.

– Господин Кутшеба? Господин Кутшеба? – кричал бегающий вдоль вагонов седой мужчина, очевидно, не привыкший к вокзальному галдежу. Он нервно озирался по сторонам и отскакивал, когда какой-нибудь из нетерпеливых локомотивов, ожидающих отправления, выпускал струю пара.

Краковский вокзал был самым большим в стране, поэтому и оживление тут царило необычайное. Хотя в Европе уцелело немного железных дорог и несколько поездов в одном месте представляли собой необычное явление, в некоторых городах поезда, казалось, буквально толпились. Вокзал в Кракове набухал от прибывающих и отъезжающих пассажиров, железнодорожных хранителей, городских стражей-теней, а также мелких мерцающих полусуществ, которые сопровождали вспышки эмоций. Именно над вокзалом кружили духи и демоны, привлеченные необыкновенным скоплением всякого рода силы.

Людей охраняли от них высокие сторожевые башни. Каждый их кирпич был усилен знаками, стены каждого этажа прогибались от талисманов. Простые люди не смогли бы там дежурить, поэтому замуровывали в башнях тех, кто решил посвятить себя службе городу и претерпеть перевоплощение. Сложно было назвать их живыми, и вообще сложно было сказать про них хоть что-нибудь, мало кто отваживался налаживать с ними контакт. Безымянные и ужасающие, они оставались на своих постах, довольствуясь жертвами, которые каждое утро приносили им смотрители. Их не интересовала еда, только знаки

почтения и крохи города, доставляемые со всех его районов. Они принимали бусины из разорванных украшений благородных горожанок, лоскуток платочка с кровью извозчика или камушек, что пнул крикливый горный шалопай. Каждый предмет, которого коснулось сердцебиение этого города, придавал им сил.

– Господин Мирослав Кутшеба? – кричал седоволосый. – Господин Кутшеба?

Казалось, все пассажиры уже покинули вагоны, когда на пороге одного из них наконец-то появился тот, кого седоволосый уже едва ли надеялся найти.

– Я здесь, – отозвался он хриплым голосом. Мужчина откашлялся и повторил громче.

Седоволосый двинулся к нему. Он ожидал, что Кутшеба приедет в вагоне первого класса, а не в последнем, самом дешевом, в котором, случалось, ехали люди со скотом и товарами. Неужели именно про этого человека говорил шеф?

Кутшеба оказался высоким и статным. Кожаная куртка когда-то темно-коричневого цвета была потерта до предела, наводя на мысль, что это был бродяга из тех, что рыскают по свалкам. Не лучшее впечатление производила шляпа, смятая до невозможности, потемневшая, скорее всего, от грязи и низко надвинутая на глаза. Кроме того, льняной платок, несмотря на жару обмотанный вокруг шеи, говорил, что Кутшеба либо чудак, либо слишком слаб здоровьем. Однако сумки приезжего принадлежали известным фирмам, славившимся своим высоким качеством, к тому же были изготовлены вручную и на заказ. Конечно, он мог украсть их у кого-нибудь по дороге.

– Господин Мирослав Кутшеба? – переспросил седоволосый. Получив в ответ лишь неохотный кивок, он решил, что не ему критиковать решения босса, которого он и так не надеялся когда-нибудь понять. – Мое имя Францишек Чус, я работаю на господина Новаковского, который решил вас нанять. Прошу меня простить, я ожидал, что раз уж мы покрываем ваши расходы, то я встречу вас в вагоне первого класса.

– Мне там не место, – ответил неприятно хриплым голосом Кутшеба.

С этим Чус не мог не согласиться. Он предложил взять часть багажа, но Кутшеба так посмотрел на него, что Францишек только кашлянул, после чего поспешно

развернулся и как можно быстрее проводил этого невозможного скрягу к ожидающему перед вокзалом транспорту. Он не видел, как Кутшеба на минуту задержался, чтобы посмотреть на локомотив. Нечто не поддающееся описанию произошло между ним и огромной махиной. Машинист поежился, как будто его охватило плохое предчувствие. Хранитель высунулся из котла и сквозь металлические стены посмотрел Кутшебе прямо в глаза. Потом зарычал, рефлекторно отряхнулся и изверг из себя литанию защитных заклинаний.

Такие люди не должны садиться в поезда. Слишком сильно разрослось в их душах несчастье. Хранитель ощущал это тревожное присутствие с самого начала поездки и потратил много сил, чтобы нейтрализовать его влияние. Сейчас, наконец, он мог посмотреть на его носителя. Узнал его, вздрогнул и как можно быстрее спрятался в котле. Его ожидало больше работы, чем он думал, если, разумеется, он хотел, чтобы поезд без проблем двинулся дальше.

* * *

Хотя жители Кракова охотнее всего запрягали в свои повозки лошадей, босс Чуса оказался одним из богатых эксцентриков, влюбленных в современную технику. Вместо элегантной кареты или хотя бы изящных дрожек Кутшебу ожидал уродливый автомобиль с пучеглазыми фарами, который по форме напоминал распухшую жабу, отягощенную горбом дополнительной кабины, предусмотренной производителем для перевозки товаров, но сделанной так, чтобы в ней могли ездить и пассажиры.

Чус казался довольным, показывая это безобразие и наблюдая, какое впечатление оно произведет на прибывшего. Он вытянулся, как струна, и открыл широкую, круглую дверцу в пассажирскую кабину.

– Боже, что это? – Кутшеба остановился, словно раздумывая, не вернуться ли ему.

– О, вы, наверное, не привыкли к виду современного транспорта. Неудивительно, ведь таких машин в нашей стране немного. Это, уважаемый господин, автомобиль. «Ситроен Акадиане», версия люкс, укомплектована в соответствии с потребностями моего господина. Прошу, садитесь. Я вас уверяю, беспокоиться не о чем. Я прекрасный водитель.

– Главное, чтобы был хороший хранитель, – буркнул Кутшеба, неохотно залезая внутрь. Чус занял место в кабине водителя.

Спустя мгновение он подал голос через интерком, проверяя, комфортно ли чувствует себя его пассажир. Кутшеба обманул его, что все хорошо, хотя никак не мог удобно сесть в неприспособленном для людей кресле, чья форма многое сказала ему о таинственном господине Новаковском. Круглые сиденья с двенадцатью низко расположенными спинками могли свидетельствовать только об одном.

Новаковский был марсианином.

* * *

Когда они прибыли на Землю, люди сначала игнорировали их, хотя они и не скрывались. Сферические корабли приземлялись в разных городах на всех континентах, чтобы открыть врата ангаров и напустить на человечество ярость, прибывшую из космоса. Марсианские технологии превосходили все, что могли изготовить даже самые талантливые земные инженеры.

Проблема была в том, что на Земле в то время шла самая большая война за всю историю. В охваченном ею мире все подозревали всех, и в новоприбывших машинах разрушения они видели, прежде всего, хитрость Пруссии, Франции или России, ну или хотя бы Америки, но никак не вторжение инопланетян.

Даже когда часть правды вышла наружу, война между людьми не прекратилась. Заинтригованные марсиане радостно наблюдали, как очередная сторона человеческого конфликта пыталась заключить с ними союз против своих собратьев. Только бескомпромиссность чужаков привела к тому, что человечество восстановило хрупкое перемирие и изменило судьбу войны, объединившись против пришельцев.

В конце концов все пришли к согласию. Даже марсиане были вынуждены капитулировать перед катаклизмом, который непроизвольно спровоцировали, и объединиться с потенциальной жертвой, чтобы выжить. За двадцать лет после окончания войны, привыкая к новой среде обитания, они переняли человеческие обычаи и имена, пытаясь воссоздать технологии, которые значительно устарели

со времени их вторжения. Кроме того, они с удовольствием инвестировали в современные заводы по производству двигателей и автомобилей.

Внутренность кабины этого «ситроена» разработана согласно марсианской эстетике. Скорее всего, тут поработал сам Новаковский, марсиане уверяли, что люди не в состоянии постичь тайну их искусства. И действительно, Кутшеба равнодушно разглядывал ненормальную, бесформенную арку, поддерживающую потолок машины, оплетенную хаотичной мешаниной проводов, раскрашенных в три любимых марсианами цвета: синий, ярко-желтый и фиолетовый. Он не видел в творениях марсиан красоты и вообще ничего особенного.

Марсиане уже не удивляли и не пугали его. Он встречал их в жизни, а с двумя из них даже работал, у одного был подмастерьем год, обучаясь работать с энергией. Хотя большинство людей все еще таили гнев на пришельцев и ни один марсианин не мог чувствовать себя в полной безопасности, Кутшеба не испытывал к ним жалости. С начала вторжения прошли десятилетия. Мир радикально изменился, и марсиане стали его частью. Кутшеба родился в мире, еще охваченном войной, однако не марсиан он обвинял в том ужасном, что с ним случилось. Список виновных он хранил в памяти. И в нем были исключительно люди. В настоящее время их осталось трое.

Он всегда колебался, когда приходилось пользоваться поездом. Теоретически состояние железнодорожных линий уже стабилизировалось, даже поговаривали об их развитии, но Кутшеба все еще помнил те времена, когда каждый поезд охранялся отрядом жрецов или шаманов. Но порой и они не справлялись. Хотя энергики наконец сдались в пользу объединенных сил людей и марсиан и война закончилась, все же в мире было еще достаточно чудовищ, чтобы никто не чувствовал себя в безопасности.

Железная дорога Краков – Львов пережила и начало человеческой войны, и вторжение, и даже Предел. Поезда на этой линии становились жертвами нападений, как и везде, однако бывшая Oesterreichische Staatsbahn im Gebiet Galiziens, которая во времена Предела стала называться просто «Галицийские железные дороги» и обрела самостоятельность и независимость от умирающих государств, заключила отдельное перемирие как с марсианами, так и с энергиками. Это произошло задолго до того, как подобного успеха смогла добиться Империя. В 1947 году, когда Республика Наций, претендующая на то, чтобы прибрать к рукам все наследство павших монархий, только начинала переговоры с марсианами, Галицийские железные дороги – по примеру других

независимых институций – перевозили уже марсианских сановников, нанимали марсианских защитников и даже обеспечили поезда первыми хранителями.

Однако все это не предотвратило катастрофы.

Останки четырехсот тел смешались с деревянными обломками вагонов и кусками вырванной из локомотивов стали. Один из рельсов, сломанный и выгнутый, взлетел в небо, истекая кровью проткнутого им же тела без головы. Слышался только крик хранителя, потому что никто из горстки уцелевших не мог произнести ни слова. Кутшеба не слышал жалоб и призывов раненых. Он выкарабкался из расколотого надвое вагона, отполз от путей и долго, очень долго просто лежал, уставившись в небо.

До него не сразу дошло, что случилось. В ушах все еще раздавался невыносимый грохот, после которого последовал удар и треск ломающегося дерева. Крики гибнущих пассажиров доходили до него с трудом, он скорее представлял их, видя перекошенные гримасы. Он не помнил, кем был и как оказался в траве неподалеку от покореженного поезда.

Когда много дней спустя он пришел в себя, все изменилось.

После катастрофы он неохотно пользовался поездами и любым другим механическим транспортом. И они его тоже не слишком любили. Если уж приходилось путешествовать на поезде, он всегда выбирал худший вагон, зная, что первые классы излучают больше чванства и раздуваются от гордости своих пассажиров, уверенных в собственной неприкосновенности и чрезвычайной роли. Он свыкся с тем, что чувства и эмоции имеют особенное значение в мире Предела, и не собирался провоцировать зло, сидя в вагонах, бурлящих от энергии неуправляемого самодовольства. Втиснутый между шепчущими защитные литании бедняками, которые смертельно боялись стальных чудовищ, он был в безопасности. Его и так раздражали зудящие татуировки и кололи амулеты.

Не намного лучше было ему в автомобиле Новаковского, поэтому он нетерпеливо высматривал дом потенциального клиента.

Как назло, Новаковский жил на Предгорье, отделенном от Кракова рекой, сравнительно далеко от Центрального вокзала. Хотя там и была своя убогая

железнодорожная станция, но не все поезда доезжали до нее. Дом Новаковского размещался в форте, унаследованном от Империи и возведенном на одном из самых высоких холмов Предгорья. Марсианин выбрал это место, как через интерком объяснил Кутшебе Чус, из-за богатых источников энергии, оставшейся со времен язычества, которую марсиане могут черпать из прирученных теней или непосредственно из веры, накапливавшейся тут тысячелетиями. Новаковский трансформировал ее при помощи старенького костела, возведенного еще в тринадцатом веке в качестве своего рода печати, которая препятствовала языческим ритуалам и сдерживала зло под землей.

Марсианин переливал высосанную из теней энергию и переправлял ее через разбухший от веры костел, усиливая мощь форта. Энергия, бьющая из ротонды красного кирпича, ощущалась уже у основания Предгорья. Когда автомобиль наконец остановился перед воротами форта, Кутшеба ощущал силу, накопленную в здании, почти как физическую боль. Он сжался, вылезая из машины, повертел на пальце перстень-четки, потер большим пальцем татуировку на внутренней стороне ладони. Помогло.

Служащие марсианина выбежали за вещами гостя. Он не позволил им дотронуться до сумок, в которых было оружие, и, несмотря на протесты Чуса, не расстался с ними, направляясь на встречу с марсианином. Он прекрасно знал, что вооруженному человеку не положено встречаться с хозяином, но сознательно проигнорировал этот запрет.

– Я всегда могу развернуться и уйти, – прорычал он, делая вид, что ему не важна работа на Новаковского. – Я не напрашивался.

– В таком случае прошу вас подождать, – ответил явно оскорбленный Чус и заученным медленным шагом отправился посоветоваться с боссом.

Кутшеба, игнорируя осуждающие взгляды прислуги, сел на пол, оперся о стену и закрыл глаза. Его интересовало, насколько дерзок Новаковский и насколько эффективными оказались связи Кутшебы – только благодаря им с определенного момента марсианина начали убеждать, что именно он должен стать самым важным участником запланированной поездки. Кутшеба использовал кого только мог, чтобы сюда добраться, и поставил на это почти все, что у него было.

Его беспокоило количество переменных, необходимых для реализации его замысла. Сколько раз он пытался найти другие решения! Ночи напролет говорил со Змеем, совершенствовал планы, искал способы приобрести новых союзников. Змей смеялся над ним, издевался, но было видно, что и его привлекала эта интрига. Кутшеба не говорил ему всего и даже пробовал использовать. Он мог поспорить, что божество в итоге предаст его, и пытался учесть даже это. Тем не менее он понимал, что в его расчетах довольно много слабых мест, что все могло рухнуть в любой момент. Например сейчас, если марсианин не пожелает воспользоваться его способностями.

– Господин Новаковский примет вас, – обида в голосе Чуса стала еще ощутимее. – Может, вы хоть шляпу снимете?

– Может, и сниму, – буркнул Кутшеба и встал. Он решил играть роль человека, которого не слишком интересует предложение марсианина. Не переборщил ли? До какого предела он мог испытывать терпение клиента и собственное везение?

Кутшеба невольно хмыкнул.

Везение – ну-ну!

«Я с тобой, – напомнила о себе мара. – Везение не в счет. Только ты и я – вот что имеет значение. Я тебя когда-нибудь подводила?»

Глава 2

Поверх грязной, истрепанной шляпы, небрежно брошенной на стол, разделяющий марсианина и человека, Меллизатх’л Новаковский всеми четырьмя явными глазами и одним скрытым разглядывал мужчину, которого намеревался нанять.

Он слышал о нем столько же хорошего, сколько и плохого, однако большинство его агентов было согласно, что Кутшеба – именно тот человек, который ему нужен. Это утверждали и те, кто вызывал подозрение, и те, кому он доверял. Марсианин тешил себя мыслью, что умел правильно оценивать местное

население. Он прибыл на Землю с первой волной вторжения как руководитель штурмовой группы, снабженный телом, приспособленным для боевых действий. С момента зловещей катастрофы, когда корабли на орбите начали взрываться один за другим и десятки тысяч солдат погибли за несколько секунд, он понял, что выжившим придется сосуществовать с землянами и воспринимать их как партнеров. За последние годы он постепенно заменил тело на более приспособленное к новым временам и испытаниям. Хотя официально силы вторжения подписали мир с большинством институций, представляющих людей, война в определенном смысле все еще продолжалась. Шло соперничество за влияние и престиж, которых часто добивались кровавыми методами. Разница состояла лишь в том, что теперь в основе конфликта лежали не только расовые различия. Представителей каждого вида можно было встретить с обеих сторон. Это повлекло за собой некоторые последствия.

Новые принципы можно было отследить по его лицу, которое Новаковский приспособил для контактов с людьми. Он сделал его согласно местным стандартам: сформировал нос и губы, отрастил побеги, напоминающие черные волосы, симулирующие редкую шевелюру на голове, и подготовил элегантные короткие усы и бородку. Он не отказался от вызывающих у людей страх и отвращение двенадцати конечностей, однако немного изменил их, чтобы половина могла ассоциироваться с ногами, а половина с руками. А потом спрятал их под костюмом, сшитым на заказ согласно современной моде. Тридцать лет он размышлял не о традиционных способах ведения войны, а о бизнес-моделях. Он захватывал рудники и населенные призраками холмы, стал акционером Галицийских железных дорог и даже несколько лет заседал в Краковском городском совете. Он боролся за влияние и использовал его, но первым делом слился с окружением настолько, насколько это было возможно для существа, все еще называемого марсианином.

Он научился даже пить коньяк и курить сигары, а также чувствовать их вкус и наслаждаться ими, хотя это и потребовало серьезного вмешательства в строение мозга. Как бывший офицер флота он мог позволить себе даже это.

Однако время относительного покоя безвозвратно ушло.

– Я хочу нанять вас, – объявил он мягким баритоном, на который потратил трудные пять лет формирования гортани, ротовой полости и легких, – мне рассказывали о вас много хорошего.

Кутшеба криво усмехнулся. Новаковский подумал, что не помешает проявить чувство юмора и ответить улыбкой.

– Безусловно, о вас говорят и много плохого. Кстати, я думал, что вас повесили в Кельце.

– Слухи.

– Я очень этому рад. Мне важно, чтобы вы участвовали в моем предприятии. Я знаю, что вы цените конкретику, поэтому буду краток. Я понимаю, что вам во многих городах уже вынесли смертный приговор и у вас хватает врагов. Я слышал, что вы убийца, лжец, мошенник и вор. Это хорошо. Это означает, что вы находчивый, а с другой стороны… вам пригодятся моя помощь и покровительство. Кроме того, уважаемый Хтепх’ен’ерх фон Паулсен очень вас хвалил.

– А я думал, что утверждение, что вы, марсиане, все знакомы друг с другом, – это расистская пропаганда.

– Не все. Но от Кракова до Вены недалеко, согласитесь. Видите ли, мне нужен человек с вашим опытом. У вас есть определенные навыки, связанные с энергиками, и вы умеете работать с нашей расой. Вы умеете свободно пользоваться оружием, и у вас есть опыт в охране каравана. И, самое главное, вы один из немногих, кто побывал на территории Вечной Революции и… вернулся оттуда.

– Если вам нужен проводник по этой фабрике ужасов, то мы попрощаемся сразу. Я не намерен туда возвращаться. Ни за какие деньги.

– Нет, я не посылаю вас туда. Я сказал это только для того, чтобы подчеркнуть, как я ценю ваш опыт. Мне нужен именно такой человек, в котором ценные способности сочетаются с открытым умом, который будет беспощадным, если нужно, и который знаком с территориями Вечной Революции. Чтобы не тратить время на лишние разговоры, скажу сразу, что я предлагаю вам сто тысяч марок, верительные грамоты от меня, а также мое безмолвное покровительство на будущее. Вас интересует такое предложение?

– Это внушительная сумма, – медленно ответил Кутшеба, словно уже подсчитывал, на что может потратить вознаграждение. – Чего вы хотите взамен?

– Охрана. Сопровождение на известных вам территориях, если понадобится. Безжалостность. Естественно, вы не будете один. Я возьму с собой необходимое количество людей, а вы можете выбрать несколько помощников, если пожелаете.

– Куда идет караван и что везет?

– Везет меня. Позвольте кое-что вам пояснить. Это не торговая поездка, скорее, исследовательская. Возможно, вы этого не понимаете, но запасы, которые моя раса привезла с собой, исчерпываются. Конечно, мы приспособились к местным условиям, мы питаемся земными продуктами и даже наслаждаемся их вкусом. Однако наша продукция… Это сокровище, господин Кутшеба. На внутреннем марсианском рынке любой контейнер, сохранившийся еще со времен вторжения, стоит целое состояние.

– И вы знаете местонахождение какого-то забытого склада?

– Что-то типа того. Семьдесят лет назад один из кораблей разведки потерпел крушение и разбился на Земле. До недавнего времени все полагали, что он полностью уничтожен. Мы планировали найти его обломки после победы, но она так и не наступила. А недавно мне в руки попали доказательства того, что груз с этого корабля мог уцелеть.

– Какая-то часть? Фрагменты корпуса?

– Вовсе нет. Товар из уцелевших контейнеров! Без сомнения, кто-то добрался до запасов корабля, но либо не знает, что у него в руках, либо абсолютно бездарно выводит это на рынок. Или же он слишком хитер. Даже если я найду только один контейнер, господин Кутшеба, прибыль с продажи его содержимого с избытком покроет затраты на мою экспедицию. А если сокровищ будет больше… Думаю, премия, которую я выплачу вам в случае успешной продажи, обеспечит ваше благосостояние до конца жизни.

– Куда конкретно мы должны отправиться?

– Дорогой господин Кутшеба, это я расскажу вам после подписания контракта.

Человек и марсианин какое-то время присматривались друг к другу. Новаковский усмехнулся. Он надеялся, что это выглядит дружески и поощрительно.

– Сто тысяч и пять процентов доли в прибыли, – резюмировал Кутшеба.

– Вы требуете целое состояние! Один процент. Или, чтобы не тратить время на пререкания, два с половиной.

– Три.

– Вы вырываете кусок хлеба у моих детей.

– У вас, у марсиан, нет детей. Вы хотите, чтобы я взялся за это дело вслепую. И, безусловно, хотите, чтобы я молчал. Я – жулик, злодей, шулер – как вы любезно заметили. Три процента гарантируют мою абсолютную преданность и ваше стопроцентное спокойствие. Мало что может быть ценнее спокойствия.

Искренний грубоватый смех Новаковский практиковал годами. Он гордился производимым впечатлением. Научился даже эффектно вытирать слезы, набегающие на глаза.

– Вы совершенно правы! – сказал он, перестав смеяться тогда, когда губы Кутшебы наконец дрогнули. – Спокойствие – самое ценное. По рукам! Поскольку мы уже стали партнерами, мой драгоценный Чус покажет вашу комнату. Вечером, перед ужином, подпишем контракт и можем приступать к работе.

* * *

Излучение охранных флюидов, окружающих форт, распространялось на все Предгорье, и даже достигало долины, где на улице, носящей имя древнего князя этих земель, расположился угловой каменный дом, обросший достроенными кое-как хозяйственными помещениями. Тут развлекались местные жители. Напрасно было надеяться увидеть здесь дам и джентльменов. Эти земли привлекали скорее представителей низших классов, которые искали

работу у богатого марсианина или его компаньонов.

Время от времени приезжали сюда горемыки, тяжело больные, отчаянно верившие в чудо, или просто те, кто искал спасения у тайных энергиков и молил о помощи старых и новых богов. Попадались тут и отщепенцы, привлекавшие в Предгорье меньше внимания, чем по другую сторону Вислы. С тех пор как Новаковский поселился в форте, этот район оброс мануфактурами и заводами, ремесленническими мастерскими, а также кооперативами, основанными чаще всего бывшими работниками марсианина. Инопланетянин в Предгорье делал ставку на развитие технологий, привлекал инженеров и исследователей с открытыми умами, которые не брезговали работой. На Новаковского трудились представители многих рас. Некоторые были вынуждены носить браслеты или перстни, защищающие чувствительные механизмы от их сверхъестественного влияния, но никто не жаловался.

Самые бедные селились в рабочих домах, построенных марсианином, либо снимали дешевые комнаты в старых австрийских кирпичных постройках. Инженеры и руководящие кадры селились вместе в отдельных районах. Они жили на виллах, в маленьких дворцах, построенных вдоль самой элегантной улицы, что вела к форту, или в отремонтированных каменных домах, окружающих Предгорский рынок.

Кутшеба не нуждался в таких, как они.

Он заказал рюмку сливовицы, оперся о барную стойку и изучал присутствующих. В углу зала пятеро мужчин играли в карты, не обращая внимания на окружавших их болельщиков. Слева от них великан, чей лысый череп блестел в свете керосиновых ламп, безуспешно пытался соблазнить скучающую молодую цыганку, декламируя ей стихи с корявыми потешными рифмами. Девушка тасовала карты, раскладывая их перед собой, потом разглядывала их, вздыхала, собирала и снова тасовала. Она даже не смотрела на великана, который прерывался исключительно для того, чтобы глотнуть пива или заказать новую порцию. Он не дождался даже улыбки своей избранницы, но выглядел спокойным.

Его тень привлекла внимание Кутшебы, было в ней что-то неестественное. Может, над великаном нависало проклятие? Если так, это может быть интересно, ведь проклятие можно использовать. Как и все остальное, это была просто форма энергии.

Как и Она. Ну, почти.

Кутшеба заметил Ее незадолго до того, как больничные врачи, наконец, решили, что он уже в состоянии выдержать известие, принесенное железнодорожным служащим. Невысокий толстый мужчина с быстрыми, бегающими глазами и подозрительно хмурой физиономией стоял над кроватью пациента, он откашлялся и без лишних слов объявил, что ему очень жаль, но жена и двое детей Кутшебы не выжили в катастрофе.

Надолго ли потерял он тогда сознание или только на мгновение? кричал ли? ругался ли? или ему это только казалось?

Когда он открыл глаза, тот же самый толстый железнодорожник с тем же самым озабоченным выражением лица сидел возле его кровати. С противоположной стороны стояла медсестра, госпожа Аня. Ее печаль показалась Кутшебе искренней. Сейчас он понял, почему она избегала его взгляда, почему так быстро замолкала или убегала по коридору.

– Извините, ради бога, – у железнодорожного служащего был смешной писклявый голос, – но я должен спросить, что вы помните об этом инциденте. Мы пытаемся выяснить его причины. Показания свидетелей могут нам помочь.

Аня выглядела возмущенной. Кутшеба отвернулся от нее и посмотрел на толстяка. Он недооценил его тогда, принял за обычного немного туповатого чиновника.

– Я пошел в вагон-ресторан. Маргарита с детьми должны были ко мне присоединиться… – он замолчал. – Не помню ничего необычного, – соврал он.

Тогда он увидел Ее впервые. Еще не четко, как призрак. Она стояла за толстяком. Кутшебе казалось, что она печально улыбнулась, прежде чем ее фигура поблекла и рассеялась.

Во второй раз он заметил Ее дома за день до похорон. Он сидел за столом, поставив напротив бутылку водки, и удивлялся, что ему даже не хочется напиться. Потянулся к рюмке, но сразу же отставил ее. Не хотел пить только потому, что так должен вести себя вдовец в состоянии отчаяния. Он никогда не

напивался ни с горя, ни с радости. К тому же он не привык пить в одиночку. Только в обществе друзей и знакомых он позволял себе немного больше. На свадьбах, на праздниках, посвященных местным богам, на днях рождения он пил для забавы, для компании, потому что так положено. Но чтобы заливать горе – никогда.

Они смотрели друг другу в глаза. Его – налитые кровью от недосыпа, Ее – темные, нечеловеческие. Она изящно кивнула треугольной головой, он через минуту ответил тем же. Потом она исчезла. Он закрутил бутылку и отошел от стола. Теперь его начали терзать другие желания.

В третий раз он увидел Ее в пабе, похожем на здешний, Предгорский, через неделю после похорон. Встретились они тогда в последний раз, потому что уже навсегда.

Он перестал обращать внимание на великана. Ждал кого-то другого. Ребенка. Такого, какого искал уже много недель, пока наконец не услышал про мальчика из Предгорья.

Лишь под вечер в паб вошел высокий, худой, как шест, блондин с густой взъерошенной шевелюрой. Он обвел помещение мягким взглядом глаз с налитыми кровью белками, но с темно-синей радужкой, словно летнее небо. Он причмокнул полными темно-красными губами, покачнулся и восстановил равновесие, схватив кого-то за плечо. Что-то пробормотал. Он сплюнул, но неудачно, как раз на ботинки мужчины, которого минуту назад использовал как опору. Тот заворчал, резко повернулся, но, узнав вошедшего, только с жалостью покачал головой и оттолкнул его от себя.

Блондин снова пошатнулся, оперся в этот раз на стойку бара возле Кутшебы, который цедил свое четвертое пиво. Они кивнули друг другу, и блондин пошел дальше. Судьба на пару с земным притяжением толкнули его в сторону столика великана. Тот на мгновение прервал декламацию, и даже молодая цыганка отложила карты. Оба наблюдали, как молодой человек, подчиняясь инерции и судьбе, просто врезается в них. За секунду до того, как он упал на столик, великан схватил его длинными руками, взлохматил ему волосы и нежно подтолкнул его к лестнице. Там парня перехватила смуглянка с лицом, как полная луна, – круглым, светлым и покрытым шрамами. Она обняла парня и потащила на второй этаж, где они исчезли в полумраке еще до того, как их поглотил пустой коридор.

– Всегда один и тот же цирк, – произнес бармен с такой усталостью в голосе, от которой могла бы лишиться сил и целая армия. Он потянулся за пустой пивной кружкой и рюмкой Кутшебы. – Что вам налить?

– Сливовицу. Тот же цирк?

– Этот щенок. Он всегда навеселе. Прошу, уважаемый господин, ваша сливовица. Он всегда выглядит так, будто не может стоять на ногах, и всегда кто-то ему помогает, и девочки дежурят, чтобы им заняться. Я не знаю, что это за волшебство такое, но охотно узнал бы это заклинание.

– Он не работает, правда?

– А кто его знает. Он один из тех, кто всегда где-то крутится, с кем-то болтает. Все ему за что-то благодарны, но чтобы кто-то его видел за работой, такого нет, никогда. Я мало что знаю, – вздохнул бармен. – Если бы я знал столько, сколько не знаю, то меня тут уже давно, уважаемый господин, не было бы.

Кутшеба осушил рюмку одним глотком, швырнул на барную стойку на полмарки больше, чем надо, и последовал за блондином.

– Уважаемый господин, вы скажите смуглянке Марише, что я вас порекомендовал! Я, Марьян из бара! – закричал бармен, Кутшеба махнул рукой в знак того, что услышал его и понял.

Смуглянка Мариша тоже услышала, тоже поняла, но ей было плевать, о чем она и сообщила Кутшебе, как только он появился на втором этаже. Она стояла, широко расставив ноги и перекрывая ему проход. Девушка уперла руки в бедра, которые, правду сказать, были прикрыты только видимостью юбки, и, уставившись на потенциального клиента большими карими глазами и даже не моргая, сообщила, что этот самый Марьян из бара ей ни брат ни сват, чаевыми с ней не делится, и вообще он какой-то подозрительный, потому что никто не видел, чтобы он пытался подкатывать к девочкам. У нее был бархатный голос, соблазнительные чувственные губы, а слегка прикрытая грудь едва не касалась незнакомца. Когда она погладила его по щеке, Кутшеба почувствовал, как Она задрожала в нем, готовая в любую секунду выцарапать глаза женщине, которая осмелилась дотронуться до ее мужчины.

– Я не ищу развлечений, – объяснил он, прежде чем дошло до скандала. – Я ищу блондинчика. Его легко узнать, он не может идти прямо.

– Он занят.

– Безусловно. Я могу быть щедрым.

– Это место не для таких, как ты. Если ты жаждешь развлечений, иди вниз, к Марьяну.

– Нет, куколка! – он схватил ее за шею и легко сжал. – Ты не поняла. Блондинчик. В каком номере?

– Стоит мне только крикнуть…

– И прилетит сюда этот лысый сын Велигора и переломает мне все кости, знаю. А знаешь ли ты, что потом ему и тебе сделает господин Новаковский за то, что вы мешали работать его человеку?

– Ох, красавчик, нужно было сразу сказать, что ты на нашего благодетеля работаешь! Я тебе бы даже даром…

– Я ничего не хочу даром, Мариша, – он отпустил ее. – Покажи мне, где блондин, и еще четвертак заработаешь.

– Дай мне время, сладкий. Поиграй со мной, позволь молодому человеку насладиться жизнью. И сам насладись. Все будут довольны.

– Знаю я таких. Когда он закончит, то не встанет до утра. Комната?

– Двенадцатая.

Он всунул ей четвертак, хотя она не спешила его взять. Мужчина нашел нужную дверь и открыл ее, как положено, тихо и осторожно.

– Не сейчас, сладкий! – пискнула шлюха с круглым лицом, сидя на краю кровати. Она выковыривала ножиком грязь из-под ногтей. – Я занята, занята! Пусть тебе Рыжая Магда даст. Или Йоля!

Блондин сидел за ней, копаясь в матрасе. Он, казалось, не обращал внимания ни на что на свете. Кутшеба мог бы зайти с оркестром и не отвлек бы его.

– Иди-ка погуляй, красавица. – Он всунул девушке какую-то мелкую монету. – Я ничего не сделаю твоему любовничку. Мы немного поболтаем.

Она посопротивлялась, но вышла. Девушка захихикала, когда он хлопнул ее по пышной заднице, а Она в нем заворчала и ткнула когтем в душу так, что он аж вздрогнул.

– Ты, наверное, Яшек, правильно? – спросил он блондина.

– Потише, господин, а то все испортите. Они уже почти согласились.

– Оставь клопов, Яшек. У меня для тебя другая работа.

– Еще чуть потише, господин!

Кутшеба знал, что лучше дать парню немного времени. Поэтому он пять минут наблюдал за тем, как клопы ровными рядами покидали не слишком чистую кровать, а потом дисциплинированно промаршировали в коридор через щель под дверью.

– Ты со всеми можешь договориться, парень?

– Мне старая птица дала зерно. Кто его съест, тот речь зверей понимает, и если ласково с ними поговорить, то можно и убедить помочь.

– И куда ты отправил этих паразитов?

Парень захихикал и покраснел.

– Не могу этого сказать.

– Тебя зовут Яшек, правда?

– Да, господин. Откуда вы знаете? Смуглянка сказала?

– Вас всех зовут Яшек, – вздохнул Кутшеба, а парень даже не удивился. Может, он и не принадлежал к числу могущественных умов этого мира, однако некоторые правила были очевидны даже для таких, как он.

Когда марсиане использовали свое последнее оружие, они надеялись, что освобожденная мифобомбами энергия ударит в результате и по ним. Обратная реакция наступала на всех завоеванных планетах, потому что не было такой цивилизации, которая не имела бы собственных преданий, религий и легенд. Поэтому пришельцы с планеты, де-факто находившейся намного дальше от Земли, чем Марс, натравливая на землян своих богов и демонов, приняли обычные меры предосторожности. Города и деревни, расположенные вблизи фронтов, были атакованы мифобомбами, несущими энергию их веры и завоеванных ранее миров. Одновременно марсианские скиттеры и роботы начали массированное наступление, обстреливая позиции людей не только конвенционными снарядами, но и снарядами, которые стимулировали залежи человеческой веры.

Мифобомбы ударяли точно в избранные цели – возле святынь, кладбищ и школ. Казалось, они не приносили вреда, так как их целью не было уничтожение материи. Когда саперы приезжали обезвреживать, как они думали, неразорвавшиеся бомбы, вокруг них невидимые людям зерна уже поглощали накопленную веками энергию веры. Они собирали ее внутри себя, чтобы позже разродиться чужими богами и демонами, зародыши которых марсиане вкладывали в мифобомбы.

– Важно было выбрать время, – объяснял Кутшебе фон Паулсен, когда человек добрался до него, чтобы получить как можно больше сведений о боге, которого он когда-то наивно обвинял. – Конфликты происходили всегда, поэтому мы обычно спускали богов с поводка, когда уже все было позади. Однако вы так яростно сражались своим смешным архаичным оружием, что у нас не было другого выхода, если только мы не хотели разнести всю эту планету в пух и прах. Нам казалось, что мифобомбы будут безопаснее, чем ядерное оружие или

обстрел антиматерией с орбиты. Как видите, молодой человек, наивность и глупость свойственны не только людям. У нас было гораздо меньше времени, чем нам казалось. Ваши верования возвращались слишком быстро.

Ваша человеческая натура, рожденная из бурлящих в недрах земных верований, религий, суеверий и идеологий, породила законы и создания, появления которых марсиане не предвидели. Побочные эффекты в виде местных богов появлялись всегда и везде, однако обычно это происходило несколько позже, а новоиспеченные божества были не в состоянии бороться с боевыми богами Марса. На Земле получилось иначе. Человеческая натура оказалась сильнее всего, с чем марсиане сталкивались раньше. Охваченный войной мир был основательно, как и предполагали чужие стратеги, пропитан верой, которая была не то проклятием, не то надеждой. Чего не предвидели марсиане, так это того, насколько огромной и внезапной окажется сила пробужденных религий и суеверий.

В окопах на всех фронтах мучилось слишком много простых парней, которых вырвали из деревень. В них сохранились верования родом из Средневековья, а порой даже более ранние. В то время, как в городах суфражистки жгли бюстгальтеры, социалисты провозглашали необходимость освобождения из-под ига богачей и выкрикивали лозунги об «опиуме для народа», а богачи строили и модернизировали фабрики, в деревнях придерживались ритуалов, значение которых горожане давным-давно забыли. Город верил в прогресс, а деревня верила в демонов и духов, которые населяют каждую халупу. Это столкновение современности и отсталости, технологий и архаичных предрассудков, не менявшихся на протяжении столетий, привело к тому, что агрессивная стратегия марсиан принесла ужасные плоды.

Мифобомбы пробудили силу, которая нанесла Земле более серьезные раны, чем самое разрушительное оружие, созданное современными технологиями.

Последствия разразившегося катаклизма были видны даже на примере Яшека, который принадлежал к числу третьих сыновей.

– Почему ты это делаешь? – спросил Кутшеба, хотя уже знал ответ. Он должен был убедиться, что нашел нужного Яшека.

– Потому что так надо, господин. Помогать людям в нужде.

– За спасибо?

– Благодарность – это самая ценная монета.

– А девочки не платят тебе, Яшек, другой монетой?

Мальчик покраснел до самых кончиков ушей.

– Я… я… господин, я никогда. Они хотели, но я… нет.

– Ждешь кого получше?

Яшек кивнул. Быстро и нервно. Он смущался, но говорил правду.

Пригодится, подумал Кутшеба. Девственник, убежденный, что его ждет сердце принцессы знатного или богатого рода, идеально ему подходил. После того как многоглазые марсиане с удивлением столкнулись лицом к лицу с человеческой природой, измененной мифобомбами, третьи сыновья рождались всегда простачками, охотно помогающими людям и в глубине души убежденными, что их ожидает прекрасный брак. Ведь так всегда происходило в сказках, а после вторжения эти сказки оказались важны не меньше физики.

Большинство третьих сыновей плохо закончили. Однако до тех пор пока они сохраняли чистоту, люди, подобные Кутшебе, могли пользоваться их прямолинейностью и силой. Не без риска, разумеется.

Человек никогда не мог быть уверен, что используемая сила не ударит по нему в самый неожиданный момент.

Глава 3

Сентябрь 1964 года по старому календарю, сорок девятый год Предела, двенадцатый год Мира

Кутшебу ударили наотмашь по лицу, и он отлетел к стене, как будто в него угодила пуля из карабина, а не раскрытая ладонь. Но приложил его не лишь бы кто, а сам Железный Марчин, молодчик, настоящий мастер наказания неудачников, которые разочаровали его нового господина.

– Мирек, Мирек, ты че вякаешь? – прошипел Золотой Змей, удобно свернувшись на никогда не остывающем камне, который стоял посреди избы. Он коротко свистнул, и Железный Марчин подошел к ошеломленному Кутшебе, рывком поставил его на ноги, чтобы тут же снова ударить по второй щеке.

Жертва сползла по стене. Кутшеба застонал. Языком проверил, не выбиты ли зубы. К его искреннему удивлению, они еще держались.

Настоящего имени, равно как и реального облика Змея, он не знал. Это был один из обращенных марсианских богов, вызволенных из-под власти тогдашних вождей, которого они называли «предателем и отщепенцем». Когда-то таких, как он, марсиане объявляли в розыск или посылали за ними убийц. После установления перемирия с людьми они перестали думать о мести. Однако боги, которые бросили марсиан в тяжелую для них минуту, не могли рассчитывать на их симпатию. И не рассчитывали. Разошлись по миру в поисках новой паствы среди людей. Кутшеба искал кого-то из них, чтобы тот помог ему понять суть энергиков. Человеческих магов он побаивался, а ко встрече с марсианскими был еще не готов. А вот взбунтовавшийся марсианский бог мог многому его научить, возможно, даже за относительно невысокую плату. Сильные марсианские боги все еще не чувствовали себя достаточно уверенно на Земле, но все равно охотно заключали сделки со смертными.

Золотой Змей считал гору Турбач вместе с землями вокруг нее своим королевством, а местные жители, которые столетиями рассказывали сказки о свистящем короле, подчинились его власти, хоть и не переставали поклоняться прежним святым. Змею святые, очевидно, не мешали. Он принимал почести и дары, договаривался с местными властями и помогал тем, кто перешел под его опеку.

– Я пришел только поговорить, – простонал Кутшеба.

– С невидимой палицей-самобейкой? – фыркнул Железный Марчин, готовясь к следующему удару, но Змей остановил его свистом.

– Обычная предосторожность.

– Снова вякаешь, Мирек. Знаешь же, как нужно ко мне обращаться.

Еще час назад Кутшеба, вероятно, сказал бы, что лучше сдохнет, или отпустил бы едкий комментарий. Однако стараниями Железного Марчина в нем моментально проснулся дипломатический инстинкт.

– Обычная предосторожность, Ваше высочество, – сказал он. – Ну не пошел бы я непонятно с чем против бога.

– Ты недооцениваешь силу этого оружия. Потому и не заслуживаешь его. Марчин, у тебя появилась новая игрушка.

Поскольку дипломатический инстинкт проснулся в Кутшебе совсем недавно, он не совладал с собой и запротестовал. Когда Железный Марчин перестал бить его невидимой палицей, ни на минуту не воспользовавшись ее реальными свойствами, Кутшеба был уже стопроцентным дипломатом.

– Я безмерно рад, что Ваше высочество согласились принять мой скромный подарок, – простонал он.

Змей внимательно присматривался к нему золотыми глазками, пока не вздохнул с легким разочарованием.

– Умно, Мирек. Теперь я тебе что-то должен, так? Я мог бы сказать, что, подарив тебе жизнь, я сравняю счет, но не уверен, вписывается ли такой обмен в ваши правила. Я еще не до конца в них разобрался. Ты вообще представляешь, как это бесит: только вырвался из неволи тех, кого вы называете марсианами, как тут же попал в плен ваших правил? Мир основательно и бесповоротно несправедлив. Марчин, оставь нас.

Как только охранник вышел, Змей спустился с каменного трона, подполз ко все еще лежащему под стенкой человеку и обвился вокруг его плеч.

– Я знаю, что сидит в тебе, Мирек, – просвистел он. – Видал я таких. Ты бы хотел, чтобы я изгнал ее?

Когда Кутшеба просто покачал головой, ему было больно.

– Я осмелюсь попросить, Ваше высочество, чтобы вы помогли мне ее насытить.

Свист Змея прозвучал как смех.

* * *

Через неполных восемь лет после этого Кутшеба наблюдал за тем, как Яшек говорит с другим змеем. Поскольку навскидку змей был обыкновенным, Кутшеба ничего не понял из его свиста, но Яшек оказался довольным. Кивал, улыбался и что-то бормотал. Наконец он отпустил ползущее существо и с улыбкой сообщил Кутшебе, что господин Грабинский действительно живет в доме под Железнодорожной Госпожой, возле костела. И что, по мнению змейки, друга его сердечного, будет лучше, если они к нему поторопятся, потому что те господа, которые туда направились, имели души нечистые и мрачные.

Они погнали лошадей, одолженных из конюшни Новаковского. Скакун Яшека стал куда лучше, когда парень поговорил с ним по-своему – по-доброму, искренне. Яшек говорил, что лошадь, которая ему досталась, очень напоминала ему какого-то златогривого сивку, с которым в прекрасных отношениях был его дед, тоже Яшек. Конь Кутшебы оказался куда менее разговорчивым, но хорошо вышколенным и не пытался скинуть седока. А им нужно было добраться до Бежанова быстро и безопасно и вернуться в Краков до сумерек.

Хотя война пощадила старый город, охраняемый могущественными силами, ближайшим деревням повезло меньше. Одна из мифобомб ударила в трех километрах от Бежанова, и в окрестностях разверзся настоящий ад. Поэтому со времен войны здесь ошивались создания, которые днем обычно оставляли людей в покое, если те не подходили слишком близко к разрушенным домам, ставшим их пристанищем. Но после наступления сумерек мир выглядел совершенно иначе.

Здесь даже отстроили железную дорогу, которая соединяла Краков с Величкой, а в самом Бежанове отреставрировали небольшую станцию, которую теперь оберегали заклятия и души прикованных теней. Однако тропы, ведущие к деревне, и расположенные вдоль них поместья, населенные призраками, никто

не тронул. Так что сейчас Кутшеба и Яшек ехали среди руин, заросших темной мрачной растительностью, исковерканной враждебными энергиками. Они проезжали мимо уродливых деревьев, которые склонялись над тропами и тянулись покрученными ветвями к путешественникам. Набухшие пни, покрытые неестественно вздувшейся корой, были обвиты густым плющом, который всегда дрожал в воздухе, когда бы ни проезжал мимо него путник. Порой наездники замечали застрявшие в зарослях кости маленьких животных и птиц. Здешняя растительность не пренебрегала мясом.

Но Яшек даже в таком месте умудрялся находить друзей. Он позволил отдохнуть на своем плече усталому дрозду. Они шутили на непонятном для Кутшебы языке, переговариваясь птичьими трелями.

Чем ближе они подъезжали к Бежанову, тем заметнее редел мрачный лес. Появлялись первые отстроенные заново, ухоженные поместья, окруженные высокими деревянными, а то и каменными заборами. Можно было заметить вырезанные в дереве или нарисованные кровью на камнях примитивные рисунки зверей, которых приносили в жертву во время постройки дома, чтобы они оберегали его будущих жителей.

Кутшеба всегда задумывался, как так получалось, что точно такие же знаки украшали и дома с призраками, хотя никто не признавался в том, что наносил их. Возможно ли, чтобы упыри тоже имели своих хранителей? Может, они приносили в жертву людей и зверей, чтобы духи берегли их от охотников? Далеко на востоке дикие племена прибивали к деревьям черепа убитых врагов, связывая их души с границами своих территорий. В городах об этом обычае забыли, хотя во время Упадка пользовались всеми способами, даже порабощали души мертвых родственников. Люди немного эволюционировали, но можно ли то же самое сказать о чудовищах?

Наездники не встретили ни одного человека, хотя заметно было, что деревня возвращалась к жизни. Никто не поинтересовался, зачем приехали путники. В таких местностях чужаки почти всегда означали проблемы. Из-за нехватки людей, у которых можно было уточнить дорогу, Яшек говорил с птицами и насекомыми, пока наконец не встретил хорошо осведомленного змея.

Небольшой одноэтажный домик прижимался к костелу Рождения Пресвятой Девы Марии. После войны в нем правил все тот же ксендз, который каким-то чудом был все еще жив. Кутшеба охотно познакомился бы с энергиками, которые

помогали старику, однако, обеспокоенный словами змея, он сперва хотел найти человека, ради которого сюда прибыл.

Дом они застали пустым. Более того, разбросанные поломанные стулья, перевернутый стол и сорванные с петель двери указывали на то, что на хозяина дома напали. Он, похоже, защищался, но безуспешно.

Кутшеба кинулся на улицу – искать следы, а Яшек остался внутри. Он присматривался не к следам борьбы, а к стенам и потолку.

Парень нашел Кутшебу, когда тот безуспешно колотил в дверь костела. Священник либо забаррикадировался внутри, либо убежал.

– Есть следы, но нечеткие, – бросил Кутшеба, увидев Яшека. – А ты что нашел?

– Паук сказал, что приходили трое очень плохих людей. Выбили двери, немного подрались с хозяином, а потом потянули его к Величке. Каких-то полчаса назад.

– Ты что, всех пауков в округе знаешь, что они тебе так помогают?

– Если бы. Они как-то общаются друг с другом. Если вы навредите одному созданию – будь то паук или птица, – остальные об этом как-то узнают и поквитаются с вами, если смогут. Но когда добрый человек им помогает, они об этом тоже как-то узнают.

– Прям как бабы и нищие. Полчаса, говоришь? По коням!

Они настигли беглецов, когда те взбирались на холм, за которым заканчивалась духовная граница Кракова и начиналась власть теней и божеств Велички. Похитители шли пешком, к тому же их сильно тормозила жертва. Связав за спиной руки, его вели на веревке, петлю которой обвязали вокруг шеи; он шел тяжелым шагом, постоянно спотыкался и вообще старался идти как можно медленнее, то ли надеясь на помощь, то ли затрудняя переход тем, кто взял его в плен.

Услышав приближающийся конский топот, похитители остановились и посмотрели на седоков. Они не выглядели обеспокоенными. Кутшеба с Яшеком

приблизились к ним без проблем. Только когда остановили коней, лица злоумышленников помрачнели.

– Не на что тут пялиться, – буркнул бородач, обладатель огромного, под стать росту, живота. Хоть был он сгорбленный и уже немолодой, но все еще впечатлял шириной плеч и величиной ладоней, сейчас стиснутых в кулаки. – Езжайте, куда ехали!

Кутшеба не любил словесных перепалок. Прежде чем они успели отреагировать, он вытащил револьвер и застрелил бородача. Один из его спутников потянулся за пазуху, как оказалось, когда обыскивали его тело, – за ножом. Третий, наиболее благоразумный, пытался убежать. Получил пулю в спину.

Узник нервно захихикал.

– Господин… как же так, господин?! – закричал пораженный Яшек. – Так не годится!

– Если бы мы их отпустили, они бы вернулись, но уже подготовленные.

– Но убивать людей?! Я с вами дальше не поеду!

– Поедешь, Яшек. Ты вчера подписал бумагу. Тремя крестиками, правда, но это ничего не меняет. Знаешь, какую силу имеет этот документ?

Яшек, как большинство неграмотных и верящих в магическую силу написанного слова, побледнел. Он вдруг осознал, что оказался в руках плохого человека. Парень спрятал лицо в конской гриве и заплакал. Конь фыркнул, утешая его, и послал Кутшебе очень недоброжелательный взгляд. Что-то там фыркнул по-конски. Скакун Кутшебы, к неудовлетворению своего наездника, ответил ржанием, которое прозвучало злобно и подозрительно.

На всякий случай мужчина как можно быстрее соскочил с седла.

– Это были плохие люди, Яшек, – объяснил он, подходя к узнику, который внимательно к нему присматривался. Это был невысокий, уже седой, но когда-то крепкий коренастый мужчина. – Они напали на человека в его собственном

доме, связали и потащили к Величке. Думаешь, с добрыми намерениями?

– Но убивать, господин? Убивать людей?!

– Еще насмотришься на смерть, Яшек.

Кутшеба вытащил нож и перерезал веревки.

– Сколько лет, Мирек, – прохрипел бывший пленник. – Но ты прибыл как нельзя вовремя. Водки не найдется?

Глаза у него были зеленые, но как будто бы темнее, чем помнил Кутшеба. На лице прибавилось морщин, но не все они были детьми времени. Часть из них родилась от хлопот, а часть от прожигания жизни. Много изменилось с тех пор, как они виделись в последний раз, но сейчас, как и тогда, в воздухе чувствовался запах пороха.

Тогда они стояли спина к спине – молодой вдовец, который месяц назад бросил службу у князя Чарторыйского, и недооцененный им полноватый железнодорожный инспектор. Кутшеба сжимал в руках пистолеты, добытые у негодяев, которых они настигли, а Грабинский – два одинаковых черных как ночь револьвера. Кутшеба несколько раз промазал, его пули выбивали из стен куски штукатурки, зато каждый выстрел Грабинского попадал в цель. Этот человек, как рассказывали те, кто знал его лучше, словно родился с револьвером в руке.

Вокруг них умирали люди, которые встали у них на пути. Двое мужчин молчали, пока не утихли стоны. Какое-то мгновение они прислушивались, не идет ли кто-то еще. Мара в Кутшебе быстро и тяжело дышала, как после бега, упоенная вкусом первой пролитой для нее крови. Оружие перезарядили четкими, отточенными движениями. Кутшеба считался хорошим стрелком, но скорость, с которой Грабинский опустошил барабаны своих револьверов от гильз, чтобы зарядить его заново, произвела на него впечатление. Плавность и скорость движений работника железной дороги казалась почти неестественной.

– Это работа не для меня, – сказал тогда Грабинский. – Я думал, сынок, что помогу тебе довести дело до конца, но это не для меня. Прости. Я уже стар, у меня жена, двое детей… Я не хочу убивать. Даже негодяев. Не так. Пойми.

Кутшеба, которому еще месяц назад казалось, что он тоже уже не хочет убивать, понял его.

– Вы помогли мне больше, чем остальные. Спасибо. Дальше я сам справлюсь.

– Еще одно, сынок. Та девушка, которую я порой в тебе вижу… Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Ничего хорошего мне и не суждено, – ответил он тогда и ушел убивать.

И вот сейчас они стояли на Величском тракте, оба старше на восемь лет и значительно богаче на скверные воспоминания. Рассматривали друг друга без улыбки. Неподалеку блевал и плакал Яшек, а кони все еще нервно фыркали.

– Сколько? – спросил Грабинский, в прошлом железнодорожный инспектор, расспрашивавший тех, кто уцелел после катастрофы, не видели ли они чего-то особенного.

– Еще трое.

– Зная жизнь, полагаю, худшие из худших?

– Никто не знает жизнь лучше тебя.

– И ты хочешь, чтобы я тебе помог?

– А когда я хотел чего-то другого?

– Тогда дай водки!

Глава 4

При взгляде на состояние двоих нанятых Кутшебой помощников на лице Чуса отразилось глубокое недовольство. Яшек всё еще хлюпал носом и бормотал что-то об уважении к жизни, а Грабинский даже в своем лучшем костюме, которому, к слову, было около десяти лет, и с двумя револьверами на поясе выглядел, по мнению слуги, хуже, чем сам Кутшеба. В придачу ко всему, едва прибыв в форт, этот человек сразу потребовал водки и стал всех убеждать, что по крайней мере одна из повозок должна быть загружена исключительно алкоголем.

– Мой господин прислал меня расспросить об успехах. По правде говоря, господин Кутшеба, я не знаю, что ему ответить.

– Всё идет идеально.

– В самом деле?

– Этот хныкающий юноша – живой амулет. Он третий сын. Когда он попадает в беду, само небо опускается, дабы ему помочь.

– Это я понимаю. Сомнения вызывает у меня личность другого вашего коллеги.

– Я не знаю лучшего стрелка. Я предпочту его целому отряду военных. А в придачу ко всему, он очень умный и находчивый человек.

– Прошу простить меня за это замечание, но он производит впечатление немного… неопрятного человека.

– Это только потому, что я целых два дня не пил! – Грабинский посчитал нужным вмешаться. – Поэтому у меня и руки трясутся. И сосредоточиться трудно.

За всю дорогу Кутшеба не согласился зайти ни в один паб, опасаясь, что напуганный Яшек втянет их в неприятности. Поэтому они поспешили в Краков (Кутшеба и Грабинский ехали на одном коне) и по дороге заглянули только в домик Грабинского. Как оказалось, не за водкой, которой не осталось ни капли, а за оставленными револьверами.

– Ты изменился, – сказал Кутшеба, наполнив три рюмки, как только угрюмый Чус оставил их одних на вилле марсианина. Первую рюмку он всунул всё еще

обиженному Яшеку, вторую поставил перед Грабинским. Инспектору мало было одного глотка. Он еще не успел отставить рюмку, как уже потянулся за бутылкой.

– Всё изменилось, – бросил он. Забыв о правилах приличия, Грабинский поднес бутылку ко рту и опустошил ее. Он выдохнул, как человек, который испытал мгновение счастья. – Меня лишили должности сразу же после нашей последней встречи. Нет, нет, – он замахал руками. – Это не твоя вина. Меня сюда сослали. Как смотрителя. Только подумай, что делать смотрителю на станции, через которую проезжает один поезд в сутки?

– А Хелена?

– Хелена выходила замуж не за смотрителя, а за инспектора третьего класса с высокими шансами на продвижение. Она нашла другого, того, кто не упустил своих возможностей.

– Мне жаль.

– А мне уже нет. Есть еще бутылка?

– Тебе так много нужно?

– Сынок, скажу тебе правду. Это для меня почти что ничего. Я уже три года пью чертово молоко. После него я вижу мир в цветах, названий которых даже не знаю, да и руки перестают трястись. Обычная водка – скверная замена.

– Прости, но спрошу…

– Пригожусь ли я тебе?

– Да.

– Два-три глотка чертова молока в день, и я отстрелю яйца комару. Либо литр водки утром, в обед и на десерт.

– Ты умрешь от такой дозы.

– Умру я точно от пули или от ножа, если буду трезвый. Потому что тогда достаточно и трех провинциальных бандитов, чтобы сделать со мной то, что им захочется.

– И чего же им захотелось?

– Я надоел их главарю. Чёртово молоко стоит больше, чем может заработать смотритель станции. Я немного играл, немного мухлевал, и однажды мне чуточку не хватило везения.

– Я могу с ним поговорить.

– Не надо. Просто возьми меня с собой в этот свой поход. Либо я не вернусь из него, либо вернусь с деньгами и совсем в другое место. Меня тут даже работа не держит – меня выгнали два дня назад. Итак, куда мы отправимся?

– Далеко.

– Кого еще ты ищешь?

– Еще одного помощника. Как только завербуем его, по пути остановимся в Лежайске, купим дюжину големов, этого будет достаточно. Из них получатся такие же хорошие носильщики, как и солдаты.

– Хороший план. Я выпью за его успех.

* * *

То ли Грабинский выпил мало, то ли пил не вполне честно, но они не остановились в Лежайске и даже не двинулись в его направлении.

Новаковский, не моргнув ни одним из своих многочисленных глаз, знакомился с новыми людьми. Он вежливо поздоровался с Яшеком, который так нервничал, что не смог выдавить из себя ни слова, и со слишком болтливым Грабинским. Бывший железнодорожный инспектор постирал и погладил костюм, подрезал слишком отросшие на висках волосы, побрился и выглядел настолько прилично,

что, по мнению Кутшебы, был пьяным в стельку. Он вежливо разговаривал с марсианином, рассказывал, какой у него опыт, и хвастался, что знает несколько марсианских словечек. Он хорошо держался на ногах, и у него не дрожали руки, когда он демонстрировал, как искусно владеет оружием. Даже Чус был впечатлен, хотя подозрительность всё еще сквозила в его взгляде.

– Големы нам не понадобятся, – сообщил им Новаковский, к разочарованию Кутшебы. – Если речь идет о силе огня, то уверяю вас, что у нас будет все необходимое для успеха нашей миссии. Роль носильщиков, в случае необходимости, могут выполнять члены экипажа «Батория».

– «Батория»? – Кутшеба не был уверен, решится ли марсианин выбрать именно этот транспорт. Когда он услышал о нем впервые, тень в его душе многозначительно зашевелилась. Он втайне надеялся, что Новаковский примет именно такое решение. Он приложил к этому все старания, но все же сомневался.

– Действительно. Я не рассказывал вам об этом. Быть может, я просто покажу его вам сегодня вечером? Я не собирался скрывать это от вас, просто всё указывало на то, что я не смогу им воспользоваться. Но ситуация изменилась. Изменились и планы. Уверяю вас, к лучшему. Сколько еще вам нужно времени, чтобы завербовать остальных членов команды?

– Вопрос в том, сколько людей вам теперь нужно.

– Экипаж «Батория» насчитывает четырнадцать человек. Каждый из них может, в случае чего, послужить стрелком. Поэтому их вам точно не нужно искать, тем более что вместе с «Баторием» мы заполучили еще и Мочку.

– Мочку?

– Вы познакомитесь с ним сегодня вечером. Так сколько людей вам еще нужно?

– В такой ситуации только один.

– Вы успеете к завтрашнему вечеру или это потребует больше времени?

– Мне кажется, или ситуация кардинально изменилась?

Новаковский какое-то время не отвечал. Наконец вздохнул и кивнул очень по-человечески. Слишком по-человечески.

– Прошу меня извинить. Если я полагаюсь на вас, а уверяю, это так, то должен сообщать вам обо всём. Да, ситуация изменилась. Вчера в Краков прибыл некто, работающий на человека, в котором я вижу конкурента. Поэтому я хочу выдвинуться как можно скорее. Последние сутки я старался изо всех сил, чтобы добыть для нас «Баторий». По правде говоря, вполне возможно, что я его как бы украл. Так что есть риск, что его законный владелец может предъявить мне претензии и испортить нам все дело, если мы не выдвинемся как можно скорее.

– Вы его «как бы украли»?

– Вам действительно нужно всё знать?

– Это помогает.

– Хорошо. Тогда я всё объясню вечером.

* * *

Полюсы силы в Кракове определялись не только положением сторожевых башен, охранявших город во время войны, но и более старыми местами, отведенными богам или духам много веков назад, задолго до того, как на Земле вообще кто-нибудь мог подумать о вторжении марсиан. Когда язычники насыпали Курган Крака, неподалеку от которого осел Новаковский, марсиане завоевывали другие планеты, не думая, что когда-нибудь им придется прибыть и на Землю.

Веками насыпались и другие курганы, а самый старый из них был возведен для дочери Крака, княжны Ванды.

Нелегко было до него добраться. Теоретически восточная башня, которая защищает Первые Кадровые Врата, охватывает восточные окраины города, однако в деревне Могила первенство удерживали другие энергики. Там

произошло что-то странное. Наверное, мифобомба, направленная в те места, самовольно поменяла курс и вместо того, чтобы разверзнуть ад вокруг кургана Ванды, ударила в другое место, посреди урожайных полей, с которыми не были связаны никакие легенды, где почти не селились люди. Вместо того чтобы, как большинство мифобомб, пробудить человеческие души и добыть из них энергию веры, которой могли бы воспользоваться марсианские боевые боги, готовящиеся к десанту, мифобомба пробудила нечто своеобразное, чего не ожидал никто.

Казалось, будто энергия пыталась открыть двери в другой мир. Земля истощилась за несколько минут, высохло большинство деревьев в окружающих садах и посадках, а люди сгорбились и забыли о своей прежней жизни. Они бросили работу, уселись возле своих домов и смотрели вдаль, бормоча что-то о приближающемся конце. Когда божественный десант, наконец, прибыл, вместо того чтобы черпать энергию из разбуженной веры, они столкнулись с бесконечным маразмом. Боги, совсем как люди, захирели. Уменьшились, почернели, превратились в демонов с красными глазами, светящимися под черными фуражками. Они брели по полям в своих кожаных плащах, докучая таким же мрачным коренным жителям, не причиняя им, впрочем, никакого вреда. Как люди забыли о своей жизни, так и боги забыли о своей миссии. Как выяснилось позже, они стали удивительно похожи на красных комиссаров, однако в 1916 году никто и мысли не допускал о начале Вечной Революции.

Их до сих пор можно встретить. Со временем они одичали и стали еще опаснее. Они странствовали, таская за собой целые ватаги обращенных в собственное подобие людей. Пойманных неудачников либо вербовали, либо сжирали. Они все еще светились странной могущественной энергией и мешали появлению традиционных божественных алтарей. Здесь не росли мрачные опасные леса, даже звери очень нехотя забредали сюда. Команде Кутшебы пришлось путешествовать по вымершим землям, где пейзаж разнообразили только мрачные заросли сухих деревьев, насыпанные во время войны валы и руины старых домов и форпостов.

Среди этой пустыни существовал только один оазис зелени, окружающий Курган Ванды, который противился странным энергикам и одряхлевшим богам.

Вместо того чтобы поехать на машине, Кутшеба, к нескрываемой радости Чуса, выбрал лошадей. Он взял с собой все еще обиженного Яшека и Грабинского, который сейчас был пьян в стельку. Благодаря алкоголю бывший комиссар железной дороги держался в седле ровно, имел острый глаз и твердую хватку.

Путники не выпускали из рук карабинов, которыми снабдил их Новаковский. Изготовленные в немецкой части Республики Наций, на заводах, принадлежащих одной из присвоенных марсианами мануфактур, они представляли собой новейшее изобретение оружейной инженерии. Их магазины вмещали по тридцать патронов, дальность составляла четыреста метров, а карабин мог выстрелить и сто раз в минуту, если бы только стрелок успевал его перезаряжать. Посеребренные пули (по словам Новаковского) способны сразить даже бешеного зубра, что могло пригодиться, если им придется идти сквозь Вековечную Пущу.

Кутшебу совсем не удивило, что во время тренировки на стрельбище лучше всего стрелял Грабинский. Он всаживал все пули в центр мишени, независимо от того, делал ли одиночные выстрелы или опустошал магазин очередями. В стрелковых умениях Грабинского было что-то сверхъестественное, хотя сам он утверждал, что все это только вопрос практики.

Кутшебе новые карабины не понравились. Он высоко оценил их силу огня, однако, несмотря на показательное выступление Грабинского, критично отнесся к меткости. Он предпочитал свой старый карабин Браунинга, однако вынужден был согласиться, что при встрече с черной ватагой скорострельное марсианское оружие, безусловно, будет более уместно.

– Время для нашего похода подходящее? – спросил Грабинский, когда, не побеспокоенные демонами, они углубились в Могилу настолько, что видели уже зеленеющий над коричнево-серой местностью курган. – Кажись, там по несколько раз в год пробуждаются какие-то кельтские духи.

Яшек инстинктивно перекрестился. Его жест озадачил Кутшебу. Действительно ли он был связан с христианством или просто заучил дома этот жест как один из многочисленных охранных знаков? В самом христианстве не было ничего плохого, однако там, куда они ехали, этот жест был очень нежелателен.

– Нет здесь никаких кельтских духов, – успокоил он Грабинского. – Разве ты не знаешь, что марсиане пробудили не настоящих богов, а только то, во что верили люди? Тут никто не помнит о кельтах. Пробудилась только Ванда, которая оберегает это место.

– Я это знаю, сынок, – петушился Грабинский. – Я что, не знаю азов? Я спрашиваю об этом, потому что разные ученые тут топтались и могли внести свои коррективы.

С учеными, исследователями древних культур, действительно война обошлась наихудшим образом, но они и сами натворили бед. Когда люди поняли, с чем им пришлось столкнуться, в армии по всему миру стали вербовать археологов и этнографов вне зависимости от возраста. Седые старички, которые до этого окапывались среди стопок книг в своих кабинетах, попадали в штабы, а порой и на передовую. Они объясняли ополоумевшим офицерам, с какими существами их отрядам придется столкнуться и как их нужно убивать или приручать. Если они были достаточно убедительны и могли вдохновить целый отряд, то им удавалось трансформировать оживленных энергиков или пробудить новых, вид и привычки которых обычно составляли сумму академических знаний и солдатских суеверий. Сформированные таким образом создания оказались отличными, хотя и устрашающими союзниками в борьбе с марсианами. Однако своим создателям они почти всегда приносили смерть.

Но тех, кто погиб на фронте, их коллеги, запертые в тайных военных лабораториях, считали счастливчиками.

– Здесь ученые ни в чьих головах не ковырялись. Если мы попадем в границы владений Ванды, ничто, кроме ее гнева, нам не грозит.

– А эта светлейшая госпожа часто гневается? – поинтересовался Яшек. – Мы тут с немецкими карабинами едем. Она не разозлится из-за этого?

О нелюбви Ванды к немцам ходили легенды, это был один из элементов ее силы. Даже когда древняя княжна хотела оказать немцам теплый прием, сила, которая создала ее, не позволяла этого сделать. Боги, равно как и демоны и разного рода чудовища, были узниками своих легенд. Правилам сказок вынуждены были подчиняться даже боги, прибывшие с других планет, и это послужило одной из причин того, что человечеству удалось отвоевать у марсиан ничью.

– Ванда в основном спит, парень. И не имеет ничего против немецких изделий, если они находятся в польских руках. Помни только: держи себя в руках и не крестись.

– Ванда не любит этого? – удивился парень. – Мне говорили, что она христианка.

– Ванда действительно уважает крест. Но тот, к кому мы едем, не слишком… его любит.

Курган окружал деревянный частокол, охраняемый мужчинами с арбалетами и примитивными самострелами, в обмундировании и шлемах, которые, похоже, помнили еще времена Пяста. Из-под длинных кожаных плащей, крепившихся на плечах пластинами из стали, выглядывали кольчуги, об которые бились десятки амулетов из кости, стекла, дерева, металла и ракушек, вплетенные в магические жгуты из девичьих волос или грив чудовищ.

– Господин Новаковский, Страж Кургана Крака, хочет засвидетельствовать свое почтение, – быстро прокричал Кутшеба, прежде чем стражники, согласно обычаям зараженных земель, начали общение с отстреливания собеседников. – Мы прибыли с поклоном для Светлой Госпожи, Вечной Девы Ванды!

Высокий толстый мужчина с большой буквой «В», вытатуированной прямо на лбу, приказал им спрятать карабины и выехать за частокол, подняв руки над головой. Ему явно очень понравилось их современное оружие, и он с радостью приказал бы убить прибывших. Однако фамилия марсианина и имя отца хранительницы сыграли свою роль.

– Светлая Госпожа сейчас спит, – только и пробубнил он, недоброжелательно взглянув на Кутшебу и посматривая на его оружие с нескрываемым вожделением. – Вам придется подождать. Вас черные не беспокоили по пути?

– Нет. Даже удивительно.

– Мы устроили им кровавую баню, – захохотал стражник. – Заходите, посмотрите, что мы сделали. Без ваших чудотворных карабинов, а настоящим мужским оружием – ножом и стрелами.

Не слезая с коней, они позволили провести себя к площади, где на нескольких кольях умирали черные. Поймали главным образом людей, однако Кутшеба заметил и демона. С руками, обожженными до кости и связанными над головой, с содранной черной шкурой, напоминающей скорее плащ, но все еще составляющей с телом единое целое, он извивался на палке, пытаясь бросать

заклятия. Окружающие его слуги из людей либо уже были мертвы, либо выбились из сил. Он же до сих пор боролся за жизнь.

– Мы вырвали этой гадине язык, так что он теперь шепелявит, – заржал стражник. – Сильный, зараза, пятый день сдыхает. Теперь вы видите, почему так спокойно доехали сюда. Мы об этом позаботились. Так что нам теперь кое-что от вас полагается, правда?

– Не боитесь мести? – спросил потрясенный Грабинский. А Яшек, к удивлению Кутшебы, совсем не казался испуганным. Он рассматривал демона скорее с интересом, похоже, его не тронуло зрелище такой ужасной казни. Возможно, Яшек считал, что чудовища не заслуживали сочувствия.

– Они не держатся вместе. Одна ватага для другой ничего не значит. В конце концов, даже если бы они всех созвали, никто не поборол бы нашу Светлую Госпожу.

Кутшеба не был в этом так уверен. Ванда была одним из самых сильных энергиков, которых он знал, но даже у нее был предел. С другой стороны, непоколебимая вера слуг придавала ей сил.

– Кроме поклонов и даров для Светлой Госпожи, мы хотим передать еще пару слов Шулеру. Знаете, где он сейчас проживает?

– Кто?

Готовый к незапланированным расходам, Кутшеба потянулся к саквам и подал стражнику полукилограммовый слиток серебра, который на зараженных землях представлял собой едва ли не целое состояние. Однако Кутшеба не собирался экономить, особенно располагая богатствами марсианина.

– Чтоб мне сдохнуть, но я понятия не имею, о ком вы говорите, – стражник одной рукой бил себя в грудь, а другой быстро спрятал сокровище за пазуху. – Я бы вашей светлости беспременно помог… Но я не знаю.

– Высокий мужчина. Длинноволосый. Слепой.

– Тот, что с девкой носится? Покрак?

– Покрак, – кивнул Кутшеба, припоминая, что Шулер действительно так себя называл. – Я знаю, что он тут живет. В каком доме?

– Он? За второй стеной. Я проведу вас. Чего от него хотите?

– Он нужен господину Новаковскому на пару слов.

– Такой важный господин послал за Покраком? – стражник с недоверием покачал головой. – Что в мире делается…

Внутреннюю часть поселения защищали стены, возведенные еще австрийцами как часть краковских укреплений. За ними селились только знатные жители града Ванды. Кутшебе не понравилось, что к ним был причислен Шулер. Также он думал о том, что означали слова стражника о девушке. Насколько он помнил, Шулер предпочитал одиночество. К граду Ванды он примкнул только для того, чтобы скрыться в тени сильнейшего, чем он, создания.

Они вынуждены были заплатить и стражнику вторых ворот, чтобы он проводил их до разыскиваемого владения.

Едва путники остановились перед домом, как открылись двери и вышла девушка лет шестнадцати. Кутшеба расслышал глубокий вздох Яшека. Парню, должно быть, показалось, что он встретил свою принцессу.

И в этом не было ничего удивительного: это была стройная красавица с волосами цвета молодой пшеницы и темно-голубыми, почти синими глазами, глубина и грусть которых встревожили бы любого, не говоря уже о чувствительном к любовным восторгам подростке. Небольшой вздернутый носик и губы, словно созданные только для улыбок, вызывали инстинктивную симпатию, однако было в ее фигуре нечто серьезное, чего ожидаешь от человека постарше.

– Папа говорил, что вы приедете, – обратилась она к Кутшебе. – Мы всем вам очень рады. Пожалуйста, входите.

Каменный дом жался к валу. Все его окна выходили на вечнозеленый курган, озаренный светом своей госпожи. Несмотря на это, в скромно обставленных покоях царил полумрак.

– Выпьете воды, господа? Может, яблочного сока? Здесь чистые, здоровые фрукты.

Они поблагодарили и сели за стол, а как только девушка принесла кувшин и кружки, из соседней комнаты вышел Шулер.

Он не изменился с тех пор, как они виделись с Кутшебой в последний раз. Высокий, все еще крепкого телосложения, комплекцией напоминающий скорее медведя, чем человека, он постоянно горбился и даже отрастил черную бороду, которая доставала ему до пояса. Но сейчас – не то что когда-то – борода была чистой и даже расчесанной. Похоже, нелюдимый Шулер поддался чарам девушки.

– Приветствую, Мирек, – просипел он понуро, как делал всегда. И тоже сел за стол. – Я знал, что ты не оставишь меня в покое. Здравствуйте и вы, гости. К нам тут редко гости захаживают, так что, как я понимаю, привела вас сильная нужда. А ты, молокосос, – он внезапно ткнул пальцем в Яшека, – не пялься так на мою дочь.

Яшек нервно захихикал и сразу же фальшиво закашлялся, стараясь подавить смешок. Зато девушка засмеялась открыто, раскраснелась и бросила: «Ну, папа», – и быстро убежала в комнату, из которой только что вышел Шулер. Через мгновение оттуда донеслись нарочито громкие звуки уборки.

– Привет, Шулер. Рад тебя видеть живым и здоровым. И с дочерью. Когда мы в последний раз виделись…

– Я ее удочерил, – перебил его Шулер. – И не называй меня старым именем. Тут меня зовут Покрак. Это правильно, так должно быть.

Когда Кутшеба ответил «нет», дом будто задрожал. Девушка не сдержалась, коротко вскрикнула и бросилась успокаивать отца, но двери комнаты захлопнулись прямо перед ней.

– Папочка! Пустите меня, папочка! – кричала она, но Шулер, который хотел, чтоб его называли Покраком, никак не реагировал. Он не то чтобы встал, он как будто вырос над столом, нависая над Кутшебой. Мрак в доме сгустился, потемнело даже свечение кургана.

– Я – Покрак! – прорычал хозяин.

Кутшеба жестом сдержал Грабинского, который потянулся за револьвером.

– Не такое имя я для тебя избрал, – ответил он спокойно.

– Его больше нет!

Рычание Шулера, должно быть, слышала вся деревня. Казалось, стихло все – как внутри дома, так и по всей округе. Замолчали куры, которые прохаживались между постройками, и обычно говорливые гуси, даже птицы, кричавшие на деревьях, растущих внутри защитного круга. Как будто мир замер, повергнутый в ужас, насылаемый созданием, которое Кутшеба рискнул разозлить.

– Я знаю, кто ты, Шулер.

Хозяин занес кулак как будто для удара. Грабинский не ждал – вытянул револьвер. Яшек вскрикнул.

И тогда распахнулись двери – и те, в которые маленькими кулачками била дочь Шулера, и входные, которые явили их взору женщину, наполненную светом.

– На колени! – закричал Шулер резко изменившимся голосом, и в этот раз Кутшеба его послушался.

Все пали на колени пред Светлой Госпожой, Вечной Девой.

– Такие гости прибыли в мои чертоги, что я не смогла спать, – сказала она доброжелательно. – Встаньте, прошу. Неприятно говорить с коленопреклоненными.

Все послушались, кроме Шулера и вжавшейся в него дочери. Они еще ниже склонили головы, пока светлая хранительница не подошла к ним, не обняла и не поставила на ноги.

Яшек разинул рот. Он уже забыл о том, какие чувства вызвала у него дочь хозяина, так как только что влюбился во второй раз. Он бормотал что-то себе под нос, Грабинский не выдержал и наградил его тумаком.

Ванда села с ними. Что бы Яшек ни увидел, это не могло быть лицо хранительницы. Хотя Ванда и излучала мягкий свет, он полностью скрывал черты ее лица, как белая фата скрывает лицо невесты от жениха.

– Вас прислал стражник моего отца?

– С поклонами и дарами для вас. Отец ваш спит, никто не вправе потревожить его покой. Господин Новаковский исполняет волю князя, которую тот передает ему через сны.

– Отец проживает в более спокойной местности. Он может счастливо спать хоть века. Пожалуйста, передайте ему, что его дочь все еще его любит и старается, как может, исполнять свои обязанности.

– Спасибо, госпожа.

– У вас есть дары и для моих людей?

– Тридцать килограммов серебра, госпожа.

– Очень пригодится. Спасибо. Оставьте стражнику у ворот. А теперь перейдем к более важным делам. Зачем вы беспокоите моего кузена?

– Мы собираемся в поход, госпожа. Я бы хотел, чтобы ваш кузен сопровождал нас.

– Он хочет забыть о своей прежней жизни.

– При всем уважении, госпожа, он не может о ней забыть.

Шулер что-то пробормотал. Дочь погладила его по длинным волосам.

– Он не может забыть своего имени, госпожа. Оно его… – Кутшеба заколебался.

– Приручило, – подсказала Ванда. – Ты это хотел сказать?

– Это слово не отражает всего смысла, госпожа. Но да. Лишенный имени, он может стать тем, чем был когда-то, – неуправляемой силой, чистым гневом.

– Не под моим покровительством!

– Это правда. Но я хочу вырвать его из-под вашего покровительства, госпожа.

– Ты уклоняешься от ответа: почему?

– Я отправляюсь в длительное путешествие. Опасное. Шулер Судьбы мне очень пригодится. Но это не все. Мы будем путешествовать не только верхом, но и на механическом транспорте. Кто-то должен сдерживать мои несчастья, чтобы не допустить катастрофы. Шулер меня знает и справится с этим лучше, чем хранитель машины.

– Я могла бы освободить тебя от них, – Ванда смотрела Кутшебе прямо в лицо, и он на какое-то мгновение увидел ее глаза – большие и светло-голубые. Мара внутри него завыла, словно взгляд Ванды жег ее живым огнем. Она неистово царапала душу Кутшебы, готовая выскочить и драться за него с силой, которая не оставляла ей шансов.

– Нет, госпожа. Спасибо, но нет.

– Как пожелаешь, – казалось, она погрустнела. – Я отпущу с тобой моего кузена, но только если он пойдет по собственной воле.

– Не пойду! – буркнул Шулер.

– Ты должен мне услугу, – голос Кутшебы звучал холодно и… жестоко. Даже Ванда вздрогнула от его звучания.

Шулер снова соскочил, но потом опустился обратно на скамейку, сдерживаемый дочерью. Девушка оставила отца и подошла к Кутшебе. Она положила ладонь ему на грудь, заглянула глубоко ему в глаза.

– Вам должно быть очень больно, господин, – прошептала она. – О, как больно! Здесь вы могли бы жить спокойно, без боли, но я знаю, что вы не хотите этого. Папа, мы перед ним в долгу.

– В долгу, – простонал Шулер. – Да будь я проклят, и будь проклят он, и минута нашей встречи! Мы поедем с тобой, Мирек, чтобы ты сдох!

– Мы?

– Дочь со мной. Везде.

Девушка улыбнулась Кутшебе. Невинно, очаровательно. Со скрытой в глазах необузданной силой, которой он был не в состоянии противиться и которую не понимал.

Глава 5

Ноябрь 1964 года по старому календарю, сорок девятый год Предела, двенадцатый год Мира

Чудовищная, пугающая сила, едва обузданная, сопровождала его, когда он крался к крепости, что стояла над главной дорогой, соединяющей Львов с Перемышлем. Разместившийся между древнейшими курганами форт защищал железнодорожные пути частично асфальтной, а частично каменной дорогой, по которой двигались пешие и конные путники. Солдаты, стоявшие в форте, имели опыт борьбы как с людьми, так и с демонами, поэтому у Кутшебы были бы мизерные шансы, если бы он отправился сюда в одиночку.

Поэтому он заранее позаботился о необходимом сопровождении.

Существо, которое он схватил, уже месяц опустошало окрестности Перемышля. Полное ненависти к людям, которые его создали, оно злобно расправлялось с гражданскими и военными машинами, не заботясь о собственной безопасности. Это лишь вопрос времени – когда Перемышль направит против него сильный отряд, специализирующийся на борьбе с демонами. Возможно, чудовище именно этого и хотело – умереть в бою, забрав с собой на тот свет столько противников, сколько сможет.

Кутшеба попытался добраться до него первым. Чудовище очень пригодилось бы ему. Он планировал сначала напасть на одну из тайных лабораторий, в которых производили новых богов на заказ, однако, услышав про обезумевшего бога, Кутшеба изменил свои планы. Объявляя охоту на обезумевшее независимое божество, он не входил в конфликт ни с одной корпорацией, напротив, мог даже рассчитывать на награду, если только ему удастся предоставить доказательства смерти жертвы. А дикий бог был так же хорош, как и прирученный. Кутшебе требовалась сверхчеловеческая помощь этого божества, которое он мог пленить заклинанием, полученным от Змея.

Ведь он замахнулся на коменданта Крепости Сов, повелителя жизни и смерти между городком и Медикой, знаменитого генерала Сачевского, который быстрее всех продвигался по карьерной лестнице в армии Галицийских железных дорог.

Во время лютой революции, когда власти нового революционного государства все еще полагали, что им удастся с помощью оружия экспортировать собственные идеи нового мира, майор Сачевский выступил против ватаги оборотней, объединившихся под красным флагом, которые атаковали Первую Армию ГЖД. Так он спас все войско, погрязшее в борьбе с двумя дивизионами безумцев под командованием бессмертного комиссара, и поднялся до звания полковника. А за рейды, которые совершал по территории Вечной Революции, уже через два года он получил генеральский чин. Поговаривали, что ГЖД и свободные галицийские города в значительной степени жили в мире именно благодаря этому человеку. От Киева до Кракова не было людей, которые не поклонялись бы самому его имени.

Кутшеба же намеревался его убить.

Он выслеживал обезумевшего бога около месяца. Казалось бы, у него не могло быть проблем с поисками бестии, которая сама ищет смерти и не брезгует

никакой добычей, однако в зараженных зарослях, которые кишат самыми разнообразными чудовищами, было не так уж просто найти одно конкретное. Кутшеба был вынужден постоянно скрываться или вести непрерывную борьбу на враждебной ко всему живому территории и постепенно терял надежду. У него заканчивались боеприпасы, и он почти выбился из сил. Мара не единожды спасала ему жизнь и помогала справиться с усталостью, однако он знал, что ему придется заплатить за это, когда он доберется до цивилизации. Обманутый энергиками организм должен был заплатить болезнью за это сверхъестественное напряжение.

После целой недели неудач в полдень воскресенья ему наконец повезло. По дороге на Медику он повстречал чудовище, которое так долго выслеживал. Дикий бог напал на торговый караван и с упоением уничтожал его. Он выжидал в густом лесном кустарнике, чтобы потом накинуться на телегу, растерзать ее и снова убежать в лес, поливаемый огнем стражников. Люди боролись отважно. Должно быть, они были напуганы, ведь тоже слышали рассказы о боге-разбойнике, а значит, знали, с кем имеют дело и как невелики их шансы.

Вереница телег зияла уже тремя дырами, когда запыхавшийся Кутшеба добежал до места сражения. Кто-то из защитников заметил его и крикнул остальным, что подоспела подмога. Кутшеба быстро вытащил из саквы сверток, купленный у Змея, но замер, прежде чем бросить его в снова нападавшего бога.

«Нет! – шепнула мара у него в душе. – Не сейчас!»

– Но они погибнут! – он дернулся.

«Так нужно. Что будет, если ты оставишь свидетелей? Думаешь, они не добьют его?»

Он еще раз поднял руку и опустил ее. И скрылся, ожидая единственно возможного исхода сражения. Он сжимал зубы, чтобы не закричать, и ранил руку, изо всех сил ударяя ею о дерево. А когда все погибли и одно чудовище поддалось соблазну уничтожения, другое чудовище вышло из своего укрытия и бросило в него чарами подчинения.

«Ты не чудовище, – нежно прошептала мара. – Так надо».

Он не слушал ее. Бросился на плененного бога, уставившегося на него отупелым, удивленным взглядом, и бил его, пока не упал на беззащитное божье тело, плача и ругая как его, так и себя.

Это случилось давно, когда они оба – и бог, и он – были другими… несмотря ни на что, более невинными.

* * *

Июнь 1972 года по старому календарю, пятьдесят седьмой год Предела, двадцатый год Мира

– Двести лет назад, – голос Новаковского звучал торжественно, под стать моменту, когда, стоя на носу корабля, они рассматривали удаляющийся город. – Последний раз я вылетал из порта двести лет назад во главе двенадцати кораблей моего взвода. Каждый из них достигал трехсот метров в длину и мог, если нужно, погасить солнце.

Кутшеба слушал его, хотя ему и становилось не по себе от страха. Он видел и пережил многое, но никогда еще ему не приходилось подниматься на борт машины, которая возносится над облаками. Разумеется, он стремился к этому, спланировал все так, чтобы оказаться именно здесь и подтолкнуть Новаковского к поступку, на который иначе он бы не отважился. Но одно дело – строить планы, и совсем другое – испытать на себе результаты этого планирования, оказавшись на самом большом возносящемся над Землей чудовище со времен, когда марсианские корабли упали с небес.

Сама гондола этой дьявольской машины достигала каких-то тридцати метров в длину. Ее подвесили под серебристым воздушным шаром, отличавшимся от шаров других дирижаблей сплющенной формой, которая, похоже, должна была улучшить маневренность транспорта. Кутшеба охотно закурил бы сигарету, трубку или хотя бы сигару, но курение на борту «Батория» было строго запрещено. На самом деле воздушный шар наполнялся гелием, а не водородом, как в случае многих других дирижаблей, но винты воздушного корабля приводились в движение выхлопными газами бензиновых двигателей. Полные баки бензина, старательно запечатанные, жались друг к другу неподалеку от

машинного отделения на нижней палубе. Теоретически их защищала как технология, так и магия, однако Новаковский не собирался рисковать. Его осторожность вызывала у Кутшебы легкое веселье, смешанное с раздражением. Марсианин боялся сигарет, но ему не мешало то, что у него на борту путешествовал носитель несчастья, резко реагирующий на все механические виды транспорта!

– Нас защищают мощные амулеты, – протестовал марсианин. – Нас оберегает ваш мрачный хранитель и хранители «Батория». И, в конце концов, нас защищает Мочка.

Мочка – вечно улыбающийся малолетка непонятного пола, который был одержим целым сонмом выдрессированных духов и представлял собой объект дополнительного беспокойства для Кутшебы, который не был сторонником подобных экспериментов, поэтому старался избегать Мочки. Как назло, капитан «Батория» страшно хотел с ним подружиться, возможно чувствуя в нем родственную (ибо плененную) душу. А возможно, Новаковский просто приказал ему избегать опасности, которую несло проклятие Кутшебы.

– Вы летели на Землю двести лет? – спросил он, чтобы чем-то занять свой разум и отвлечься от вида быстро и неотвратимо уменьшающихся деревьев, железнодорожных путей и поездов. Казалось бы, после того, как они поднялись над Краковом, он должен был привыкнуть к таким видам. Однако второй старт ничего не менял. Снова они поднимались слишком, как ему казалось, быстро и слишком, как ему казалось, высоко.

– Это только с базы вторжения. С моей родной планеты до Земли еще дальше. Завоевание Вселенной требует самоотречения.

– Так для чего все это?

– Другие миры захватывают, чтобы не захватили твой, господин Кутшеба. Прежде всего речь идет о ресурсах, об энергии вашей веры. Вы до сих пор не используете и трех ее процентов! Представьте только, что мы смогли бы сделать, используя ее полностью.

– Я в состоянии представить, что бы вы сделали с нами. Эти три процента и так почти уничтожили мир.

– Да в вас говорят предрассудки! Ведь это не мы начали войну. Мы прилетели, чтобы сделать вашим правительствам очень заманчивое предложение. А вы встретили нас артиллерийским огнем.

– Очень заманчивое предложение состояло в том, чтобы сдаться вам без сражения, как я понимаю?

– Вы бы частично потеряли независимость, это правда. Но получили бы Вселенную. Вас никогда не удивляло, почему марсиане, как вы нас называете, так отличаются друг от друга?

– Каждый по-своему приспосабливается к жизни здесь?

– Это правда. Но помимо этого, мы являемся представителями разных рас. Те, что присоединились к нам, получили свои привилегии.

– Мы по-другому смотрим на эти вещи.

– Жаль. Здесь столько всего тратится впустую. А я, – Новаковский улыбнулся, хотя в его голосе звучала горечь, – гордый офицер флотилии вторжения, вынужден был украсть этот примитивный воздушный корабль!

«Баторий», как он пояснил Кутшебе вчера, появился как результат совместного проекта нескольких инвесторов, среди которых Новаковский. Более того, он действовал под прикрытием, представляясь тайным агентом, прикидываясь выскочкой, прибывшим с юга, который заработал целое состояние на спекуляциях серебром и драгоценностями. Создатели дирижабля старались скрывать свой проект от марсиан. Придерживаясь радикальных взглядов, они были убеждены, что человечество должно возобновить свое производство без участия пришельцев и самостоятельно делать научные и технические открытия, чтобы не быть зависимым от чужаков. Радикально настроенные земляне все чаще выражали обеспокоенность тем, что марсиане переподчиняли целые университеты и направления промышленности, и им было плевать на тот аргумент, что именно давнишние враги землян располагают сейчас самыми совершенными знаниями и опытом и что именно они в состоянии вывести человечество из упадка. Эти споры велись годами, переносясь из дискуссионных клубов и заседаний правлений корпораций в политические салоны и даже на

улицы. В больших городах проходили демонстрации легких на подъем бедняков, которые, бывало, поджигали марсианские фабрики или даже нападали на самих марсиан. Потому, собственно, Новаковский предпочитал сохранять инкогнито, хотя проект дирижабля очень его интересовал.

– Посмотрите, господа! – он нахваливал добычу, показывая ее новым членам экипажа. – Воздушный шар наполнен гелием вместо водорода, благодаря чему нам не грозит взрыв газа, который был кошмаром первых покорителей воздуха! Мы пошили его из дебродита, использовав последние доступные на этом континенте запасы почти неуничтожаемого марсианского материала. Четыре бензиновых двигателя способны бороться даже с ураганом и нести нас вперед наперекор капризам погоды! Не является ли это, господа, настоящим творением развитого цивилизованного ума?

Дочь Шулера смотрела на все широко раскрытыми от восторга глазами, даже не замечая, что Яшек такими же глазами рассматривает ее. Кутшеба оставил их обоих под присмотром Грабинского. Воспользовавшись моментом, когда Шулер остался один, он навестил его в каюте.

– С нами чужие, – сообщил он. – Мы должны обыскать корабль.

– Мочка ничего не почувствовал, – запротестовал Кутшеба.

– Мочка – болван. И в этом ничего удивительного. У парня в башке сидит двенадцать духов. К тому же он так сосредоточен на том, чтобы заглушать твое несчастье, что почти ничего, кроме этого, не замечает. Ты не должен был брать меня в этот поход, Мирек. И сам не должен был идти. У меня плохое предчувствие.

– У тебя всегда плохое предчувствие.

– И оно почти всегда сбывается. Тогда тоже так было, в тот день, когда ты меня схватил. И потом, в ту ночь, помнишь?

Он помнил.

* * *

Ноябрь 1964 года по старому календарю, сорок девятый год Предела, двенадцатый год Мира, Крепость Сов

– У меня плохое предчувствие, – прошептал бог, которого Кутшеба с помощью Бабы-яги два месяца приспосабливал к новой роли. Сначала плененное божество чувствовало себя дико неудобно с новым именем, которое уготовило ему совсем другую роль во Вселенной. Оно охотно порвало бы эти узы и еще охотнее пленило бы и убило тех, кто их на него наложил. Однако не могло. Существовали правила, согласно которым этот подлый человек, который поработил его и избил там, на дороге, оказал ему больше чем просто услугу.

– Я подарил тебе жизнь, – кричал он на поле битвы. Он не вытер слезы, а может, и вытер, но продолжал плакать? Бог не знал. Обезумевший от боли, он снова потерял способность понимать окружающий мир и власть над собственной судьбой. – Я подарил ее тебе, а сейчас я еще и спасу тебя, забирая отсюда. Ты станешь кем-то другим, за тобой не будут охотиться из-за преступлений безумного бога. Это уже три услуги. А четвертой будет твое новое имя.

«Мне не нужны твои услуги» – так он хотел ответить человеку, но не мог, наложенные путы не позволяли ему. А не мог он еще и потому, что его парализовал мир, который он вдруг увидел по-новому. Как только он обрел сознание в подземельях проклятой лаборатории, где его создали из надежд и молитв обиженных верующих, которые жаждали своего бога, он тут же попытался вырваться из плена их отчаяния. Вместо этого он увязал в нем все глубже. Удерживаемые в камерах узники и добровольцы, собравшиеся в подземных каплицах, чувствовали его присутствие и приумножали свои мольбы. Военные ученые накачивали его энергетической путаницей направленной веры, стремясь породить существо, которое станет почти всесильным. Он учился молитвам покинутых верующих и вере людей науки. Он слушал их рационалистические литании, высасывал из сознаний и душ надежду на исполнение заветных желаний о совершенной машине, о боге-механизме, огромном, могущественном и послушном. Страшном и милосердном. Созданном по образу и подобию божества, которое не пришло на Землю, когда отовсюду появилось столько давно поверженных богов. А когда почувствовал, что стал достаточно сильным, он убил их всех и убежал из этого мрачного места.

Он убегал не столько от них, сколько от себя. Он осознавал, кем он точно не был – воплощением их планов, чистым плодом их молитв. Он стал покраком, монстром, неудавшимся экспериментом, еще одним обманом воображения, напрасно материализованным с помощью ужасающей технологии марсиан. Он убежал на зараженные земли, чтобы купаться в их испорченности, напитываться их дикостью, чтобы дойти до безумия и забыть обо всех планах и надеждах, которые на него возлагали. Чтобы забыть о своей тоске по их милосердному оправданию.

Он был еще несформированным, если не считать отчаянной жажды вырваться и сбежать в спокойное безболезненное небытие. Он убивал в моменты, когда им овладевало безумие, медленно теряя индивидуальность и приобретая черты стихии, еще одной хаотичной формы энергии, которой были наполнены зараженные земли. До тех пор пока тот человек не нашел его и не подавил все это одним своим светлым желанием, которое бог разглядел, почувствовав свою младшую сестру в его душе. Поэтому он лежал, побитый, и слушал мужчину, и смотрел на мир иначе, так, как никогда еще не смотрел. Он уже тогда понял то, чего этот мужчина не осознал до сих пор: они связаны навечно, если только он не убьет этого человека. Но он знал также и то, что уже никогда не сможет убить его.

– Ты замахнулся на могущественного человека, – прошептал он много дней спустя, притаившись в тени склада продуктов в Крепости Сов.

– Я знаю, как он добился этого могущества, – пробурчал в ответ Кутшеба. – Сегодня он заплатит за него настоящую цену.

– Тогда идем, – согласился бог, который еще не испытывал свои новые способности, скрытые в его имени. В нем играло любопытство. Хотя он предпочел бы не иметь с человеком той связи, которая родилась между ними на дороге, где пыль смешивалась с кровью, его переполняло то же возбуждение, что и его спутника. Он поддался ему охотнее, чем готов был признать.

Они двинулись вперед, и в ту кровавую ночь Кутшеба крался между домами, забитыми солдатами, а Шулер Судьбы поворачивал течение предназначения таким образом, чтобы случай играл в пользу убийцы. Благодаря опеке бога каждый шорох, который мог выдать Кутшебу, затихал или отвлекал внимание стражников. Игра теней под газовыми лампами и факелами, натыканными вдоль ограждений, сливалась с шагами крадущегося мужчины, а невольное

любопытство, пробуждаемое внезапным порывом ветра или обманчивым отзвуком из глубины леса, уводило стражников подальше от человека. Ровно до того момента, как Кутшеба проник в дом генерала Сачевского, героя войны с Вечной Революцией, убил двоих его охранников на первом этаже, убил на ступеньках его разбуженного адъютанта, убил любовницу генерала на втором этаже. А потом сразился с самим генералом, которого напитала могуществом жертва в несколько сотен людей, принесенная им всего два года назад.

Бог, которого тогда накормили с лихвой, с тех пор поддерживал генерала, быстро создавая из него героя. Однако в ту ночь его не было при генерале. И все охранные татуировки, амулеты и талисманы, литании и заклинания, которым бог научил своих самым преданных адептов, ничем ему не помогли, когда перед ним встал мужчина, одержимый жаждой мести. В его душе поселилась тень древней кровавой вражды, а каждый удар усиливало божество, поворачивая судьбу, которая раньше благоволила генералу, против него самого.

– Случилось то, чего я боялся, – понуро сказал Шулер Судьбы, когда они убежали из Крепости Сов и направились во Львов. Лес гудел об их триумфе. Ни один хищник не отважился бы стать у них на пути, от них убегали даже призраки.

– У нас же получилось! – удивился Кутшеба. – Тебе все удалось! И не сбылись твои самые худшие опасения!

– Наоборот, – покачал головой бог. – Сбылись все. Именно потому, что у тебя получилось. Это был первый, правда?

– Это был первый! – восторженно прокричал Кутшеба.

– С этого момента нет пути назад.

* * *

Июнь 1972 года по старому календарю, пятьдесят седьмой год Предела, двадцатый год Мира

– Все еще не хочешь? – спросил Шулер. – Знаю, что не можешь. Но неужели и правда все еще не хочешь бросить это кровопролитие?

– Осталось трое. Трое худших. Ты знаешь, что они проделали это еще дважды? Привели к катастрофе, чтобы накормить смертью своих личных хранителей.

– Так почему они это сделали?

– Потому что боятся меня, – признал Кутшеба. – Я это знаю. Но это их решение. Я не виноват в тех смертях.

– Не виноват, – согласился бог. – Скажи мне, Мирек, почему мне кажется, что этот поход… особенный?

– Мне нужны деньги. И друзья. А тут у меня вдоволь и того и другого.

– Только и всего? Считаешь, что Новаковский поддержит тебя?

– Это может быть ему выгодно. Я играю против его конкурентов.

– Ты не понимаешь марсианина, Мирек. Не следует ему верить.

– Ты слишком много времени просидел в укрытии. Мир меняется. Марсиане стали его частью, они обустраивают свою жизнь здесь.

– И ты считаешь, что они не мечтают вернуться домой? Ты стал глупее Мочки?

– Им домой лететь двести лет.

– Они не стареют. И не умирают, если их не убить.

– Они потеряли все корабли. Они не смогут вернуться. Единственное, что они могут сделать, это поддерживать наше развитие, чтобы мы сами научились строить космические корабли. Тогда, возможно, они вернутся к себе. Но мы будем готовы, если они еще раз захотят нас завоевать. Нет, друг мой, я не боюсь марсиан.

– Что ж… в таком случае хоть людей бойся. Например, тех двоих чужаков, которые пробрались на борт. Мы, кажется, украли эту штуку, правда? Так вот, я думаю, что у наших «зайцев» могут быть недобрые намерения.

– Где их искать?

– Откуда я знаю? Поищи их, Мирек. А я немного помогу твоему везению. Смотри внимательно, и найдешь.

Второй

Глава 1

Май 1967 года по старому календарю, пятьдесят второй год Предела, пятнадцатый год Мира, Краков

Хорошо время от времени вскинуть голову и посмотреть на Вавель, этот замок духов, крепость, которую так и не покорили ни марсиане, ни тени. Взгляд на Вавель наполняет сердца людей уверенностью и смелостью – осталась еще опора, на которую они всегда могут надеяться! Замок, охраняемый духами королей, не заставила сдаться ни одна осада.

Но Кутшеба должен был его взять.

Короли руководствовались собственной моралью, выходящей за рамки понимания обычных людей. Попытайся он убедить их, что не нужно защищать человека, который обрел свою силу и власть благодаря кровавой дани божеству, жаждущему смерти, они бы не прислушались к его аргументам. Хотя хранитель президента Галицийского банка и не был вхож в замок, но стража из людей и демонов окружала этого могущественного человека собственной защитой. Короли же ценили его влиятельность и усилия по укреплению Кракова. Они

принимали назначенную цену, даже если речь шла о смерти обычных людей, в том числе жены и детей Кутшебы. Каждый монарх нес свое личное бремя и смотрел на мир по-своему как при жизни, так и после смерти.

– Это невозможно, – отрезал Шулер Судьбы. – Даже с моей помощью. Сила мертвых охраняет стены, по которым днем и ночью ходят патрули живых. Стражники несут караул еще и во внутреннем дворе. А в Воровской башне, где находятся резиденция и сокровищница банка, есть собственные хранители и стражи.

– Я мог бы попасть туда через яму, – предложил Кутшеба.

– Мимо этого зверя? Даже стражники там не ходят, хотя он, кажется, прирученный. У тебя не получится. Там темно и, как ни странно, тесно. Он сожрет тебя. А даже если с моей помощью ты проскочишь мимо него, то он поднимет такой вой, что на выходе тебя будет поджидать вся стража города.

– Я найду способ.

– Подожди, пока он покинет территорию замка.

– Он не покидал ее уже два года. С тех пор, как услышал о смерти первого.

– Ты произвел на них впечатление, Мирек. Но даже ты не доберешься до него в Вавеле. Нужно найти способ выманить его наружу.

Июнь 1972 года по старому календарю, пятьдесят седьмой год Предела, двадцатый год Мира

– Вылезайте! – вопил Кутшеба, стоя над одним из двух хранилищ топлива. Оттуда несло бензином, как будто бак был недостаточно плотно закрыт, хотя сопровождающий его Мочка уверял, что это невозможно. Лицо его было при этом невыразительным, насколько Кутшеба мог оценить выражение лица ребенка, который делит душу с демонами.

Как полагал одержимый капитан, которому помогал Шулер, «зайцы» спрятались именно там. Кутшебу сопровождали трое вооруженных членов экипажа, а сам он держал в руке снятый с предохранителя пистолет. Однако он отдавал себе отчет в том, что если безбилетники захотят взорвать дирижабль, то хватит и одной спички. Оставалось надеяться на то, что в этой ситуации Шулер сумеет так распорядиться случаем, чтобы спичка не зажглась или пламя тут же погасло. Они не могли и не очень-то хотели стрелять в таком месте.

– Вылезайте! – повторил он. – Мы знаем, что вы тут. Не портьте мне настроение и не заставляйте лезть за вами.

– Спокойно! Мы выходим! – отозвался громкий низкий голос. Кутшебе он показался знакомым. Когда перед ним возник тот самый лысый великан из предгорского паба, он был совершенно ошарашен – как и все остальные. И так же, как они, инстинктивно отступил на шаг.

Вместе с магией, этой специфической формой энергии, на свет появились и магические существа, среди них – великаны и гиганты. И если гиганты были порождены верой в то, что столетия назад, в золотую эпоху, они правили Землей, то происхождение великанов оставалось неясным, и ученые не переставали об этом спорить. Гиганты достигали в высоту шестого этажа кирпичного дома, а вот великаны были сравнительно небольшого роста, не выше четырех метров. Тот, что проник на «Баторий», относился к великанам среднего роста, около трех с половиной метров, поэтому вынужден был страдать в тесном хранилище для топлива. Несмотря на направленное на него оружие, он потягивался на глазах удивленного экипажа и массировал затекшие мышцы. За его спиной пряталась цыганка, которую Кутшеба тоже видел в пабе.

Времени раздумывать, кого благодарить за непредусмотренных членов команды, не было.

– За борт их! – закричал Мочка.

Великан грозно заворчал, цыганка просипела что-то, напоминающее проклятия.

– Эй! – завопил Кутшеба, становясь между встревоженными людьми Новаковского и нелегальными пассажирами. – Придержи коней, Мочка! Пусть господин Новаковский решает.

– Я здесь капитан! – запетушился одержимый.

– Эта ведьма сейчас нашлет на корабль проклятие. Ты этого хочешь? Бегом за господином Новаковским! И немедленно! А ты, дорогуша, запомни: я прострелю тебе башку, если еще раз услышу такое сипение. Понятно?

Та кивнула и даже попыталась успокоить великана.

– Ты, – Кутшеба указал пальцем на одного из членов экипажа. – Дуй за Яшеком… ну знаешь, за этим бездельником.

Новаковский и Яшек прибыли одновременно. Первый был сильно обеспокоен, а второй, на удивление, счастлив.

– Крушигор! – радостно завопил парень и, пренебрегая мерами безопасности или хотя бы здравым рассудком, бросился на шею великану. – Друг!

Великан заметно подобрел, увидев блондина, обнял его и прижал к большому телу так, что у того аж ребра затрещали. Улыбнулась даже цыганка, выглядывая из-за спины великана.

– Такой уж дар у этого глупца, – вздохнул Кутшеба. – Господин Новаковский, похоже, у нас двое незапланированных членов экипажа.

– Такой балласт? – пискнул Мочка. – За борт их! За борт!

– Давай сначала разберемся с тем, как им удалось обмануть твой суперчувствительный капитанский нюх, – съязвил Кутшеба, наплевав на взгляд одержимого, полный ненависти. Он уже привык, что ему проще приобретать врагов, чем друзей. – Господин Новаковский?

– В мою каюту, – распорядился марсианин. – Сейчас же. Ты, Мочка, вы, господин Кутшеба, и Яшек с друзьями!

* * *

– Мы слишком отдалились от Кракова, чтобы вернуть их домой, – марсианин устроился в приспособленном под его тело кресле и всматривался в Крушигора и его спутницу, прищурив глаза. Он считал, что это придавало его перекроенному лицу выражение сосредоточенности и серьезности, а также подозрительности. – Мы не можем позволить себе терять время и садиться где-нибудь по дороге. Так что у нас два выхода. Или мы прислушаемся к предложению Мочки, или вы докажете мне, что не только не представляете опасности, но и пригодитесь в нашем походе.

– Ну дык… – великан выпятил грудь.

– В том, что вы можете пригодиться, господин Крушигор, я как раз и не сомневаюсь. Меня беспокоят только ваши намерения. Прежде всего объясните, пожалуйста, как вы здесь оказались?

– Я и Крушигор – братья по крови, – отозвался Яшек, опередив всех. – Он меня защищает и всегда знает, где я. Так он меня и нашел. Я никогда раньше не отходил от него далеко… Надо было ему рассказать, что и как, но все так быстро случилось…

– Ты не мог меня предупредить? – прошипел Кутшеба.

– Вы, господин… – парень опустил голову. – Вы плохой человек. Я вас боюсь.

– Вот я и почуял, – прогремел Крушигор, – что с братиком что-то неладно. Мы пришли за ним, но на вашем корабле трудно спрятаться. А еще и времени было мало.

«Баторий», построенный в ангаре неподалеку от поместья марсианина, выкрали в последний момент, когда все участники похода упаковали багаж, а Новаковский объявил, что уезжает, и с помпой поднялся на собственный поезд, который увез его в Перемышль. Неважно, сколько шпионов двинулось за ним, однако все они были удивлены, когда через несколько часов после этого он пересел в дирижабль. Сама кража прошла гладко и без проблем, к огромному разочарованию Яшека.

Их на дрожках привезли под ворота ангара, который находился в перестроенных австрийских фортах под Курганом Крака. Официально это здание не

принадлежало Новаковскому, марсианин даже сделал вид, что боролся за него, но проиграл представителям Якубовского, который был убежден, что, занимая помещения по соседству с марсианином, разозлит его. На самом же деле Новаковский охотно позволил противнику одержать эту маленькую победу. Тем охотнее, что в скрытом от любопытных глаз ангаре, замаскированном под склад, и дальше работали его люди. Даже Крак тайно сотрудничал с марсианином, что, очевидно, вовсе не укладывалось в голове радикалов, убежденных, что человеческие боги и герои никогда бы не опустились до союза с чужаком. Но если прежние специалисты сохранили свои рабочие места, то стражники, которые охраняли вход в небольшую фабрику в форте, были наняты новым владельцем. Даже Кутшеба не был уверен, что все не закончится перестрелкой.

Однако Чус, возглавлявший их группу, просто показал документы, из которых следовало, что они были инспекторами из Вены, присланными сюда, чтобы осуществлять положенный контроль. Даже когда дирижабль взлетел, это ни у кого не вызвало беспокойства и только убедило Кутшебу, что стражников марсианин либо купил, либо заколдовал. Они торопливо просматривали документы и отворачивались за мгновение до того, как могли бы заметить, что инструменты «механиков» почему-то имеют дула.

– Как я понимаю, вы, леди, помогали господину Крушигору, – Новаковский обратился к цыганке. – Прошу прощения, я все еще не знаю, как к вам обращаться.

– Сара. Просто Сара, господин Новаковский. Я не знаю родителей, меня воспитали эльфы и волки, прежде чем этот, – она указала на Крушигора, – нашел меня после очередной облавы. Потом меня хотел забрать к себе король табора. Но я не для людей. А он мой брат.

Великан вздохнул, но не как потенциальная машина для убийства, а как влюбленный подросток. Кутшеба, который помнил его поэтические попытки, невольно усмехнулся. Похоже, не о сестринской любви цыганки мечтал Крушигор.

И удивляться тут было нечему. Сколько бы лет ни было Саре, она все еще сохраняла девичью грацию и красоту. Ее черные глаза искрились очарованием, которое не одного мужчину свело с ума, на полных губах блуждала мимолетная улыбка. Она двигалась с изяществом воспитанной среди животных и духов дикарки и излучала таинственную чувственность, характерную для людей,

которые много времени провели среди сверхъестественных существ. Одета легко и цветасто, она не скрывала под чепцом густые черные волосы, но собирала их в пучок, который удерживали воткнутые в него амулеты из коры и дерева.

Все ее украшения доказывали, что она выросла в зараженном лесу – многочисленные браслеты и даже сережки были не из серебра и не из золота, а из дерева и камня, как ее научили эльфы и лесные духи. Она, безусловно, владела магией. С ее помощью удалось изменить внешний вид Крушигора, а может, даже сделать его невидимым, благодаря чему они незамеченными прокрались на борт дирижабля, который выкрали люди Новаковского. Кутшеба, однако, помнил, что в пабе она ворожила на картах. Так что магии она училась и у своего племени и, вероятно, была не совсем искренней, когда говорила, что держалась подальше от табора.

Он немного знал об их магии и верованиях. Каких богов они почитали, кого выбирали себе в хранители.

– Твое имя, – спросил он, припоминая кое-что о черной Саре, о которой слышал под Кельце, прежде чем его повесили. – Откуда оно взялось?

– Мне его эльфы дали, – сказала она, глядя на Кутшебу с явной неприязнью. – Они смеялись, а я не знала, означает ли оно что-то. А ты, муло, считаешь, что цыгане хуже вас, да? Поэтому обращаешься ко мне на ты.

Мара в нем беспокойно зашевелилась, когда Сара назвала Кутшебу этим странным словом, а цыганка, словно заметив это, испуганно отступила на шаг.

– Яшек правильно сказал. Ты плохой человек, – прошептала она.

«Я вырву ей глаза», – даже угрозы мара произносила таким соблазнительным тоном, будто все, что было связано со смертью и насилием, было для нее особенно сладостно.

«Не сейчас. Пожалуйста».

Мара мурлыкала внутри него, ластилась. Порой он задумывался, действительно ли смог обуздать ее, не играла ли она с ним и не флиртовала ли каждый раз, когда ему так казалось.

Новаковский счел нужным откашляться. Наверное, он чувствовал и замечал больше, чем люди, поэтому смог ощутить нарастающее неестественное напряжение.

– Если я правильно понимаю, вы, господа, являетесь братьями по крови, а вы, госпожа, связаны с ними чем-то вроде духовного подчинения. Но вы должны понимать, что мне очень импонирует предложение моего капитана.

– Высадите нас на землю, где угодно, хоть в глуши, – прорычал великан. – Только этого и просим.

– Господин Крушигор, выслушайте меня до конца, пожалуйста. Мы не можем сейчас приземлиться. Кроме того, господин Яшек подписал контракт, по которому обязан сопровождать нас в нашей миссии.

– Ты подписал?! – в один голос воскликнули великан и Сара, и каким-то чудесным образом голос у нее оказался громче, чем у великана.

Пристыженный Яшек кивнул, и его друзья побледнели.

– Господин Кутшеба мог бы, конечно, освободить его от контракта… – марсианин сделал паузу, и Кутшеба готов был голову дать на отсечение, что улыбка, которая появилась на его лице, была задумана как злобная.

– Я плохой человек. И не отдам контракт за просто так. Яшек летит с нами.

– Что ж, господа, вы сами все слышали. А что касается вас… Я не привык разбрасываться ресурсами. Если вы согласитесь подписать с нами контракт, то присоединитесь к нашей команде. Если нет, вам придется покинуть борт во время нашего следующего приземления.

– Это где? – пробормотал великан.

– По правде говоря… не знаю. Я бы с радостью вообще не приземлялся. Однако готов поспорить, что нам придется пополнять запасы воды. Где-то за Вековечной Пущей.

Цыганка ойкнула. Яшек повесил голову.

– Тоже мне выбор, – буркнул Крушигор. – Давайте свои бумаги. Только… мы с вами подпишем, а не с ним, – он показал на Кутшебу.

* * *

Май 1967 года по старому календарю, пятьдесят второй год Предела, пятнадцатый год Мира, Краков

– Ты им не нравишься, – оценил Шулер.

Они сидели над Вислой, в очередной раз уставившись на Вавель по другую сторону реки.

– Такая у меня судьба. Никто меня не любит. Ты тоже. Да я и сам себя не люблю.

– Они могут предать тебя.

– Надеюсь, они для этого слишком корыстны.

Всего полчаса назад они покинули разбойничий притон, полный типов из-под темных звезд, которые представляли всевозможные расы. Эта компания жила на окраинах города, неподалеку от грота, в котором в старые века свои эксперименты проводил чернокнижник Твардовский, пытаясь договориться с дьяволом с местных холмов. Эльфы и более цивилизованные упыри, великаны, а даже несколько гигантов и помеси всех родов – волки-оборотни, медведи-оборотни, чудаки, одержимые, а также обычные, но не слишком уважающие правосудие люди, – все вместе они возвели там свой собственный городок. Краковчане называли его Закшувек, а сами жители – Твардым Градом. Похоже, они ожидали там прибытия знаменитого чародея. Одни верили, что он уже

вернулся в ряды живых, реально существующих или призванных к жизни силой воображения душ. Другие пробовали призвать его, веря в него, как в языческого бога, и ожидая, пока энергия их веры материализуется в облике Твардовского.

На окраине этого города, в поместье, которое носило название (а как же иначе?) «Рим», Кутшеба искал себе союзников. Он рыскал среди взломщиков и грабителей, охочих до забавы, среди наемников и охранников и даже среди проклятых душ, которые только и ждали шанса отомстить тем, кто вопреки всему еще мог надеяться на избавление. Наконец он отобрал десяток человек, которые производили впечатление профессионалов.

– Я предлагаю им весьма соблазнительную плату. Достаточную, чтобы купить их верность, – Кутшеба пытался успокоить Шулера.

– Какую же?

– Еще двести лет назад здесь шла война. Часть богачей встала по одну сторону, а часть – по другую. Краков переходил из рук в руки. Был тогда один род… скажем, звали их Чарторыйские, они накопили огромные богатства. Его представители боялись, что все золото и серебро приберет к рукам вторая сторона. Поэтому они отправили агентов, чтобы те вывезли все, что возможно. А эти агенты договорились со сплавщиками. Они спрятали сокровища в полых колодах. К сожалению, сплавщики догадались, какие сокровища попали к ним в руки, и решили присвоить их. Здесь, неподалеку от этой излучины Вислы, произошло столкновение. Победили сплавщики, но они уже не могли уплыть с сокровищами, потому что за ними гнался целый город.

– Утопили их?

– Еще лучше. Спрятали в драконьей яме. У них там были свои контрабандные тайники. Они опорожнили их, наполнили золотом и засыпали камнями. Потом они поубивали друг друга. Так что больше половины сокровищ все еще там.

– А ты откуда это знаешь?

– Ну, я покопался в книгах, поспрашивал людей…

– Вызывал духов?

– Главное – знать, кого вызывать и как сделать так, чтобы они потом убрались восвояси.

– И как их пытать.

– Ты знаешь меня лучше, чем родная мать.

Они минуту помолчали. А потом заговорил бог. Он старался говорить медленно, нарочито спокойно. Но в его голосе все равно слышалось напряжение.

– Хочешь сказать, что ты позарился на золото, проклятое кровью и предательством, спрятанное в драконьей пещере?

– В яме. Ну а в остальном ты прав. Как-то нужно будет отвлечь внимание вавельских стражников…

Глава 2

Июнь 1972 года по старому календарю, пятьдесят седьмой год Предела, двадцатый год Мира, где-то над Вековечной Пущей

Дирижабль выслеживал их уже второй день. Первой его заметила дочь Шулера, которую в честь хранительницы звали Вандой. Она обожала взбираться по канатам, которые соединяли гондолу с воздушным шаром. Экипаж позволял ей это после вмешательства Новаковского, успокоенного заверениями Кутшебы, что Шулер не позволит, чтобы с девчонкой что-то случилось.

Первая вылазка Ванды вызвала панику на борту, которую сразу же подхватили Мочка и Яшек. Мочка первым почувствовал изменения судьбы и забил тревогу, убежденный, что Сара решила устроить диверсию и навела на «Баторий» какое-то тайное проклятие. Яшек же, который отпустил объект воздыхания на время,

необходимое для опустошения мочевого пузыря, испугался, увидев девушку, висящую на одном из канатов без всякой страховки. Позвав на помощь, он бросился ее спасать. Его не защищал бог, мухлюющий с судьбой, поэтому кончилось всё тем, что Ванда спасала парализованного от страха Яшека под смех экипажа и гнев Крушигора и Сары. С тех пор Крушигор старался не отходить от Яшека ни на шаг, а враждебность между Мочкой и Сарой возросла до уровня почти объявленной войны. Ванду почему-то никто ни в чем не обвинял. Даже Крушигор становился спокойнее в ее присутствии, а Сара, бывало, расчесывала ее волосы и рассказывала предания эльфов и волков.

– Он следует за нами, – Кутшеба не любил сообщать очевидные вещи, но с чего-то надо было начать разговор. – Кто-то может знать цель нашего путешествия?

С мостика они с Новаковским наблюдали за преследователем. Компанию им составлял верный Чус, заменяющий Мочку за штурвалом, а также второй офицер, который проверял системы связи, шепча что-то в микрофон. Его шепот должны были услышать и разобрать бедняги в машинном отделении. Дабы усложнить им задачу, офицер шептал попеременно что-то понятное и полную бессмыслицу, ожидая правильных ответов, тестируя заодно не только технику, но и экипаж.

– Шпионы повсюду, – спокойно ответил марсианин. – В моей профессии, дорогой господин Кутшеба, необходимо считаться с тем, что не удастся сохранить всё в тайне. Бизнес – это война. Однако нет… не думаю, что капитан того дирижабля узнал, куда мы летим. Я подозреваю, что это «Владислав Ягелло», один из дирижаблей, построенных раньше, чем «Баторий».

– Эта группа, про которую вы говорили, построила и другие дирижабли?

– Насколько мне известно, еще три. «Баторий» был четвертым. Это самый современный и самый мощный из них. Очевидно, «Ягелло» послали, когда мое, скажем так, тайное предприятие стало явным.

– А остальные два дирижабля?

– Вы думаете, что и их могут отправить в погоню, чтобы остановить «Баторий»? Как бы там ни было, но это тревожная мысль. Похоже, нам пригодился бы шторм. Жаль, что вы не завербовали в свою команду погодника.

– Будем надеяться, что они тоже в силу нехватки времени никого не успели завербовать. Интересно, а почему, планируя это предприятие, о ком-то таком не позаботились вы.

– К счастью, вы меня недооцениваете. Мочка, которого вы, кажется, не воспринимаете всерьез, носит в себе соответствующую тень. В случае чего спровоцируем бурю, в которой они потеряются. Но не сейчас. Мне интересно, что они задумали.

– Похоже, вы идеально подготовились. Я всё чаще задумываюсь, а зачем на самом деле я вам нужен.

Марсианин медлил с ответом так долго, что Кутшеба понял, что не дождется его. Новаковский, наконец, отвел взгляд от волнующейся под ними Вековечной Пущи – большого организма, пронизанного соединяющимися между собой корнями деревьев, населенных духами; среди деревьев бродили возрожденные туры и огромные зубры, объезженные лесными духами. Пуща начала несколько войн с людьми, которые пытались ограничить ее развитие, – с представителями Галицийской железной дороги и Вечной Революцией. И выиграла их все.

Она заставила людей уважать себя и, вместо того чтобы отступить, завоевывала новые территории, ассимилируя независимые леса и населяя пограничье. Она захватывала мир медленно, но систематично, готовая к войне намного более длительной, нежели жизнь обычного смертного. Где бы ни падали ее рассеянные семена, из них вырастали сильные агрессивные побеги. В занятых Пущей лесах некоторые усиленные магией лишайники сразу же овладевали обычными деревьями и превращали их в солдат Пущи – создания с могущественными кронами, способные сопротивляться ветру и защищенные толстой бронированной корой. Именно они неспокойно волновались, когда на них падала тень «Батория», и тянули ветви к воздушному кораблю. К счастью, гондола проплывала высоко над ними, до нее не долетали даже семена, выстреливаемые словно снаряды. Пуща гневалась, напрягала силы, однако ничего не могла сделать.

Кутшебе пришло в голову, что когда человечество полностью завоюет небо, забросанная бомбами с огромной высоты Вековечная Пуща может все же проиграть войну. С другой стороны, кто знает, как тогда поведут себя обитающие в ней демоны? Возможно, сейчас они не атаковали «Баторий» только

потому, что посчитали его неопасным непрошеным гостем.

– Вы – мой план «Б», господин Кутшеба, – наконец сказал Новаковский. – А может, и план «А», который сейчас я заменил планом «Б». Ведь я все планировал иначе, я не собирался угонять «Баторий». Однако я узнал, что мои сообщники рассекретили меня и намеревались присвоить дирижабль раньше, чем это сделаю я. Я опередил их, по ходу дела меняя и свои планы. Можете мне поверить, я сам не очень-то этому рад. Я хотел уехать из Кракова тайком и путать следы так долго, как только это будет возможно. А теперь у меня нет времени на такие тонкости. Если что-то пойдет не так, вы можете оказаться очень нужным. Знаете, вы, люди, научили нашу расу тому, что даже самые совершенные планы могут пойти прахом в считаные секунды.

– Неужели мы так вам насолили?

Марсианин усмехнулся, казалось, ему действительно было грустно. Он вспомнил о человеческих обычаях и покачал головой.

– Пожалуйста, попытайтесь представить себе мою цивилизацию такой, какой она была. Мы достигли такого уровня технологического развития, которого вам не видать еще несколько столетий. Мы изменяли наши тела, опираясь на биологию, поддерживаемую мощнейшими технологиями. В наших телах работали и до сих пор работают миниатюрные механизмы, которые способны участвовать в построении клеток и даже анализировать и корректировать их недостатки… Как это называется на человеческом языке?

– Не старайтесь. Я все равно не понимаю. Удивительно, что я вообще знаю, что такое «клетка».

– Представьте себе, что человеческое тело – это рассказ, написанный химией. Мы все: и марсиане, и люди – являем собой историю, рассказанную атомами. То, кем вы являетесь, как вы стареете, записано в химическом алфавите. Мы смогли в него вмешаться и модифицировать самих себя. Мы заменили слепую эволюцию. Вы знаете, что такое эволюция?

– Что-то, что происходило здесь, пока вы не прибыли?

– Это происходит и сейчас, хотя в данный момент действительно в несколько специфических условиях. Даже по сравнению с божественным вмешательством эволюция имеет первоочередное значение, можете мне поверить. Вот только заметить и оценить это мы сможем лет через двести, может триста, если энергики будут менять мир в таком же темпе. По сути то, что происходит сейчас на Земле, можно считать масштабным экспериментом.

– Огромное вам спасибо, что понизили меня до роли крысы в лабиринте.

– Вы правы, меня занесло. В нашем мире даже мы, солдаты, считали себя своего рода учеными. Мы подвергали себя модификациям в зависимости от наших социальных функций. Мы бесконечно самосовершенствовались. Будучи биомеханическими существами, мы оставались на постоянной связи с мощными вычислительными машинами, возможности которых вы не в состоянии себе представить. Наш мир был понятным и упорядоченным, даже случайность мы умели вплетать в процесс развития. Очередные планеты и расы включались в нашу цивилизацию запланированно, без малейшего риска. А потом мы прилетели на Землю, и все посыпалось. Мы встречали воинственные расы, развитые гораздо лучше вас, но ни одна настолько нас не удивила. Впервые наше самое совершенное оружие было обращено против нас.

– Но ни на одну расу вы не нападали в разгар самой жестокой войны в ее истории, правда?

– Нам следовало проявить терпение, – вздохнул марсианин. – Подождать, пока вы закончите. Но вы сжигали столько эмоций, из которых можно было черпать энергию! Вся эта война была бездарной тратой энергии. К тому же, не зная вас настолько хорошо, как сейчас, мы не могли понять, за что на самом деле вы так сражаетесь. Одна из самых популярных у нас теорий гласила, что вы осведомлены о понятии эмоциональной энергии и энергии веры, но не умеете их использовать, поэтому устраиваете кровавые игрища, чтобы вас не уничтожил переизбыток этой энергии. Вас, наверное, забавляет наше тогдашнее невежество?

– Вы знаете, если задуматься, – Кутшеба скривился, – не такое уж глупое объяснение для той войны.

* * *

В ту ночь ему снилась старая война, которая положила конец эпохе технологий.

Он не мог сказать, к какой армии и национальности принадлежал. Все вокруг говорили вроде бы на польском, но существовала ли тогда армия, где бы не было поляков? Невозможно было разобрать цвета и нашивки покрытых грязью и пылью мундиров. Солдаты сидели в окопах, стараясь не высовывать головы над укреплениями. Шел дождь.

Тяжелые капли падали на землю, превращаясь в грязь, забрызгивая солдатские головы и стекая им за воротники. Уставшие мокрые мужчины сидели на корточках в увеличивающихся с каждым мгновением лужах и, если только им хватало сил, ругались на чем свет стоит. Кутшеба понял, что окружающие его люди носят шлемы разных форм: одни как перевернутые миски, другие – смешные, огромные и тяжелые, с шипами, третьи напоминали кастрюли. То ли его товарищи по оружию забавлялись коллекционированием обмундирования и вооружения противников, то ли в окопе собрались поляки из всех воюющих друг с другом армий. Он жалел, что многого не знал о Великой войне. Не различал шлемы и мундиры. Однако предполагал, что грязные истощенные солдаты могли остаться после очередной битвы и спрятаться в первом попавшемся укрытии с припасами, которые не слишком отличались друг от друга. Они были простужены, напуганы, голодны и так облеплены землей, что больше напоминали големов, нежели людей.

А может, это и были големы, и Кутшеба в своем сне стал одним из них? В первые годы войны големов не использовали, но уже в 1920-м, кажется, да.

– Есть сигареты, Мирек? – спросил кто-то из-за спины. – Должны же быть. У тебя всегда остаются какие-то запасы.

– У меня есть немного табака. Но как ты собираешься курить в такой ливень? – Кутшеба повернулся, чтобы передать влажный сверток солдату, лицо которого казалось незнакомым.

– У меня свои методы, – усмехнулся тот, однако больше не успел ничего сказать, так как в тот же миг их оглушил ужасающий свист летящего снаряда.

– Стреляют раньше времени, сволочи! – завопил кто-то незнакомый, закрывая уши руками.

Удар был таким мощным, что взрывная волна сбила Кутшебу с ног, и он упал в лужу. Часть окопа осыпалась, и он испуганно вскочил на ноги, чтобы его не завалило.

– Осечка, – хихикнул кто-то из солдат. – Не взорвалось!

– Как? Трясло же! – не согласился Кутшеба. Он осторожно выглянул из окопа.

Больше снарядов не последовало, не было слышно оглушающего артиллерийского обстрела, пушки на стороне врага молчали.

– Наверное, случайно пальнули, – оценил солдат и в тот же миг заметил, что в двадцати метрах от него на нейтральной территории что-то зашевелилось. – Подождите! Там что-то есть!

– Спрячь голову, – посоветовал тот, которого он угостил табаком. – Эти скоты специально целятся мимо, чтобы мы высовывались под пули их снайперов.

Кутшеба инстинктивно послушался. Любопытство, однако, не давало ему покоя. Он снова высунулся. Это ведь только сон!

Что-то выползало из-под земли.

Длинные, двухметровые механические плечи, которые заканчивались трехпалой ладонью, вбивались в промокший грунт. Уже появились второе и третье такое же. Конечности напряглись, задрожали и с громким чмоканьем вырвали из земли темное яйцо снаряда величиной с автомобиль.

– Парни! – закричал Кутшеба. – Такого вы еще не видели!

– Сваливаем отсюда! – рядом замаячила голова солдата. К удивлению Кутшебы, ему действительно каким-то чудом удалось прикурить сигарету. – Это полная херня… Машина апокалипсиса!

– Никто никуда не сваливает! – прогремел резкий, решительный голос сзади. Наверное, он принадлежал офицеру или самозваному герою. – Что бы это ни было, мы выстоим. Мы побывали не в одном аду, переживем и этот!

Кутшеба и его компаньон-чудотворец обменялись обреченными взглядами.

– Как только его пристрелят, я сваливаю! – буркнул чудотворец. – Мать твою… оно на нас прет!

Из яйца, стоящего на механических плечах, выдвинулись три ноги. Существо осторожно двинулось на окоп Кутшебы. Оно шло медленно, его ноги проваливались глубоко в грязь, однако ему удавалось удерживать равновесие. На вершине яйца выросло нечто вроде головы – овальный блестящий отросток, в центре которого светился вражеский красный глаз.

– Товарищ полковник! – закричал кто-то. – Посмотрите на это! Это на самом деле очень странно.

Полковник посмотрел.

– Это, наверное, их новые танки, – он по-своему оценил ситуацию. – Какой-то прототип. Ну и чертовщина. Разнесем его гранатами.

В следующую секунду ему снесло полголовы. Острый красный свет выстрелил из глаза «прототипа танка» и отсек верхнюю часть черепа полковника. Офицер еще мгновение стоял на ногах, держа возле глаз бинокль, как будто не обращая внимания на отсутствие значительной части собственного мозга. Только когда солдаты начали кричать от страха, до него словно дошла весть о смерти – он упал на колени и уткнулся ополовиненным лбом в край окопа.

– Охренеть! – закричал чудотворец. – А я говорил, сваливаем!

Однако он благоразумно не выскочил из окопа, а понесся по лабиринту его коридоров, проталкиваясь между солдатами. Некоторые последовали его примеру. Другие же вжимались в лужи или наоборот – высунулись и начали обстреливать нападающего. Кто-то вспомнил слова полковника и швырнул в яйцо гранату. Та отскочила от бронированного корпуса и взорвалась где-то

между тремя механическими ногами, не причинив им никакого вреда.

Тогда-то и выяснилось, что у яйца были друзья. Из-за пелены дождя показались еще три похожих чудища, которые сразу же открыли огонь. Они стреляли не только красными лучами смерти, но и автоматными очередями, прошивающими жертв, которые предприняли тщетную попытку задержать новое оружие. Кутшеба прятался от свистевших рядом пуль. Он перезаряжал карабин и снова стрелял – как он быстро понял – в марсианина. Хоть он и осознавал, что спит, все равно боялся иллюзии смерти.

Неудержимые марсиане ломились вперед на своих трех ногах, им почти удалось достичь линии окопов. Тогда за дело взялась, наконец, артиллерия. Полетели первые снаряды, засыпая марсиан только землей. После третьего залпа артиллеристы пристрелялись, и одно из яиц зашаталось, когда снаряд взорвался на его ноге, изогнув ее и обездвижив. Хромающий марсианин стал легкой мишенью, и артиллерийский огонь сосредоточился на нем.

Кутшеба никогда не видел ничего подобного. На треногу обрушился шквал огня. Марсианин метался под взрывами снарядов, огонь ослеплял его, поэтому он начал в панике стрелять во все стороны, убивая людей, но и раня собственных товарищей. Несмотря ни на что, он все еще стоял вертикально, выдерживая даже прямые попадания. Когда один из снарядов уничтожил купол яйца, тренога издала страшный, протяжный писк и свалилась в изрытую снарядами грязь. Еще какое-то время артиллеристы забрасывали его снарядами, пока не перевели огонь на другие цели.

Ошеломленный, дрожа от возбуждения, Кутшеба выбрался из окопа и осторожно подкрался к марсианину.

Не считая оторванной «головы» и искореженных плеч и ног, броня марсианина оказалась нетронутой. Кутшеба обошел его в поисках места, в которое мог бы просунуть дуло карабина, чтобы добить. Когда он приблизился к его «голове», изнутри на него кинулось склизкое белое щупальце. Он отшвырнул его прикладом, быстро нашел щель, засунул туда дуло и выстрелил. Изнутри послышался болезненный писк. Тренога задрожала.

Кутшеба заметил еще одно щупальце, которое медленно двигалось к нему, как будто из последних сил. Он затоптал его, перезарядил оружие и выстрелил.

Снова перезарядил, снова сунул дуло внутрь и снова выстрелил. Он поступал так до тех пор, пока у него не закончились патроны. Тогда он втиснул приклад в щель, стараясь расширить ее. Когда у него не получилось, он засунул в середину гранату и спрятался в одной из многочисленных воронок, образовавшихся после артобстрела.

Он вернулся, сжимая штык. Взрыв разнес броню изнутри, и перед взглядом Кутшебы предстал один из первых прибывших на Землю марсиан.

Он был белый как мел, будто его кожа никогда не видела солнечных лучей. Он был еще жив. Попискивал, дрожал, залитый зеленой жидкостью, сочащейся из ран. Он все еще был в сознании. Увидев приближающегося Кутшебу, он издал жалобный писк и попытался дотянуться до человека одним из щупальцев. А когда ему это не удалось, он открыл ротовое отверстие, напоминающее клюв, и плюнул в человека вонючей слизью. Кутшебе удалось увернуться, и плевок упал на землю, пузырясь, словно кислота, и въедаясь в грунт.

Марсианину не хватило сил на вторую атаку. С ненавистью всматриваясь в Кутшебу тремя красными глазами, он что-то пищал и свистел, пока не умер.

– ВОТ ВАШ СОЮЗНИК И РАБОТОДАТЕЛЬ, – услышал зычный человеческий голос Кутшеба. – ВЫ НА НЕГО РАБОТАЕТЕ! НА УЖАСНОГО ИЗВЕЧНОГО ВРАГА ВСЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАСЫ! ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ БЫТЬ ПРЕДАТЕЛЯМИ?

Кутшеба неожиданно осознал, что его окружили все оставшиеся в живых треноги. Парализованный от страха, он смотрел, как они прицеливаются размещенным в «головах» оружием.

– МАРСИАНЕ НЕ ЗНАЮТ МИЛОСЕРДИЯ. ДЛЯ НИХ МЫ ТОЛЬКО ПУШЕЧНОЕ МЯСО, – сообщил голос, и красный луч оборвал его сон.

Он резко сел на кровати. Быстро включил одну из электрических ламп, установленных в каютах «Батория». В городах все еще использовали масляное освещение, однако Новаковский хотел избежать даже малейшего риска пожара на борту.

Кутшеба делил каюту с Грабинским и Яшеком. Бывший работник железных дорог тоже не спал. Он дрожащими пальцами отвинчивал крышку бутылки,

которая всегда была у него под рукой. Яшек же метался на кровати, зовя на помощь мамочку, Крушигора и всех святых хранителей. Наконец и его сон прервался, и парень проснулся с криком.

– Дайте угадаю, вам снилась Великая война и десант марсиан? – догадался Кутшеба.

Грабинский кивнул, не отрываясь от бутылки. Зато Яшек забросал его подробностями из своего сна, которые не слишком отличались от того, что снилось самому Кутшебе и, наверное, большинству людей на борту.

– Что это значит, господин? – простонал, наконец, Яшек. – Какие призраки к нам подобрались?

– Ко мне не могут подобраться призраки, парень. Так что не бойся. Это никакой не демон.

– Тогда что все это значит, господин?

– Это значит, – чавкая от удовольствия, ответил ему Грабинский, – что на борту «Ягелло» есть чародей. И эта зараза пихает нам в сны такую пропаганду.

– И что делать?

– Завтра Новаковский, очевидно, скажет нам, что Мочка сможет нас защитить, – зевнул Кутшеба. – А сегодня? Либо нам придется провести несколько бессонных часов, либо видеть один и тот же сон по кругу.

– А еще можно напиться, – Грабинский подсунул Кутшебе очередную бутылку, добытую из-под кровати. – Человек не видит снов, когда порядочно напьется.

Кутшеба отказался. Яшек же вырвал у него бутылку и присосался к ней. Он опустошил ее чуть ли не до половины и через несколько минут уже захрапел на своей койке.

– Завидую я ему, он может так простодушно спать, – улыбнулся Грабинский, глядя на парня. – А не сильно-то он испугался чародея на другом дирижабле. А

ведь это серьезная вещь. Чародеи гребут большие бабки, не всякий их наймет. Как думаешь, Мирек, наш босс все тебе рассказал про это дело?

– Он в основном вспоминает, как хорошо ему было летать в космосе и завоевывать другие расы, которые оказались не настолько глупы, чтобы сопротивляться. Думаю, если он украл дирижабль у настроенных против марсиан радикалов, то они таки могли на него разозлиться.

– А ты не задумываешься время от времени… может, они правы?

– Человечестволюбцы? Нет, я никогда об этом не задумывался. Не путай меня с теми, кто лучше и умнее. У меня тут своя работа, только и всего. Мир – это то, что происходит вокруг.

– Когда-то ты отомстишь, Мирек. И тогда мир вокруг тебя обретет значение.

– Может. А может, после всего я просто умру? Знаешь, я всякого начитался и наслушался о мести. Я читал о вражде и вендетте, дошел до албанского селянина, который рассказал мне о «Кануне Леки Дукаджини» [1 - «Канун Леки Дукаджини» – свод правил, своеобразный закон, введенный албанским князем Лекой III Дукаджини в XV веке, который позволял албанцам жить по патриархальному укладу и давал право свершать кровную месть между кланами.]… Месть – это печальная история. Всегда один и тот же конец.

– Какой? – не выдержал наконец Грабинский.

– Когда закончишь свое дело, кто-то пойдет по твоему пути.

Глава 3

Май 1967 года по старому календарю, пятьдесят второй год Предела, пятнадцатый год Мира, Краков

Кто-то следил за ними. Небольшой и ловкий, с каменной фактурой кожи, цвет которой идеально сливался со все сильнее выцветающими фасадами каменных домов. Такое обесцвечивание было характерно не только для Кракова – так происходило в большинстве городов, хотя порой случалось, прежде всего на юге Европы и, похоже, в Азии, что жители выходили на улицы, чтобы разукрашивать дома во все доступные цвета. Когда им не хватало красок, они использовали фрукты, лоскуты цветных тканей и даже целые тюки цветных полотен, украденные у портных. Бывало, использовали и кровь – животных или даже людей. Эти южные причуды были непонятны жителям севера и территорий, удаленных от Средиземного моря. Так что большинство европейских городов серело, причем только потому, что сложно было найти людей, чувствовавших себя ответственными за весь район. Разумеется, существовали городские советы, бургомистры и президенты пыжились в своих кабинетах и на публичных выступлениях, функционировали целые клубы меценатов и президентов местных сообществ, которые так и светились чувством высшей цели. Тем не менее мало кто смотрел на город как на нечто целостное.

Не было необходимости укреплять отношения между жителями, так как они и без того были сплочены самыми прочными из всех возможных уз – желанием выжить в диком, враждебном мире. За душами-стражами и заговоренными валами бушевал новый хаотичный мир, полный существ, готовых использовать любой шанс, чтобы ворваться на охраняемые территории и раскрасить улицы и дома по-своему. Этот вечно бдящий, притаившийся неподалеку кошмар заставлял людей сосредотачиваться прежде всего на самом важном – на выживании. Даже искусство было лишено своей безмятежной независимости. Художники отложили поиски Абсолюта на потом, все свое мастерство направляя на произведения, призванные дарить безопасность им и их клиентам.

И хотя дома в городах напоминали неопрятных старцев, их стены были расписаны литаниями охранных заклинаний, каждая скрипящая ступенька на лестничной клетке была оснащена собственными защитными кругами, охранялись также окна и крыши, камины и пороги. Под фасадами ветхих зданий скрывались настоящие крепости.

Поскольку преследующее Кутшебу нечеловеческое создание скользило по карнизам и крышам так, будто никаких охранных заклинаний вообще не было, то оно не могло прийти снаружи. Должно быть, это был кто-то из местных демонов, которых жители Кракова приняли, а может, и создали сами.

Кутшеба ни за что бы его не заметил, если бы не Шулер. Он почувствовал тревогу с первого же момента, когда утром вышел из арендованного на Казимеже жилья. Он отдавал себе отчет, что именно мара одарила его умением ощущать опасность. Однако он не сумел установить ее причину. Шулер тайком указал ему на голема, преследующего их на высоте крыш, который был ненамного больше голубя, а по форме напоминал охранных горгулий Кракова. Глаза Шулера не видели света, закрывшись навсегда в то мгновение, когда Кутшеба пленил его, однако бог видел мир многими другими, более совершенными способами.

– Они до сих пор тебе не верят, – прошептал он. – Не помог тебе тот совет.

* * *

– Подбросим бестии барана, – предложил гном, который только вчера вечером прибыл из немецкой губернии Республики Наций и требовал, чтобы к нему обращались «герр Кунтц». – Пропитаем мясо усыпляющими чарами, он свалится на целых два дня.

То, что убивать дракона ни в коем случае нельзя, было понятно каждому. Все живое и вся нежить кинулась бы тогда по их следам, соблазнившись наградой, объявленной за головы убийц святого охранника города.

– Дурак. – Радослав Дунько, рыжеволосый вор, хвастающийся тем, что в его жилах течет исключительно чистая человеческая кровь, цвиркнул слюной, демонстрируя великолепную технику. Утяжеленная табаком капля нацеливалась в гнома не для того, чтобы попасть в него, а только чтобы шмякнуться на пол между его босыми ногами. Герр Кунтц скверно выругался с ломаным акцентом и инстинктивно отшатнулся. Дунько отвратительно оскалил свои даже не желтые, а уже коричневые зубы. – Дракон жрет только то, что приносит ему краковская стража. Овец, баранов, а по воскресеньям коров. Все отобранное и откормленное городом, ритуально очищенное. К другой жрачке он не прикоснется.

– Ты что, такой умный? Господин Океанский, – гном обратился к Кутшебе по фамилии, которую тот взял на время операции, – я видел разных драконов, и все они были глупее курицы. Ведь известно, что курица – самое тупое существо на свете.

– После гномов, – бросил Дунько, и, если бы не своевременное вмешательство Якуба Шимана, совет, проходивший на одном из предгорских чердаков, закончился бы дракой, а может, и кровопролитием, так как гном уже потянулся за последним аргументом – спрятанной под шапкой бритвой.

Этот спокойный казимежский ремесленник имел привычку привлекать внимание совсем иначе, незаметно и тонко – многозначительно откашливаясь. Если учесть невзрачную внешность Шимана, его кашель, тихий, почти несмелый, производил действительно поразительный эффект – от него утихали даже самые жаркие и громкие споры. А все благодаря эху. Когда Шиман вздыхал, из тени отвечал ему таким же вздохом гул начинающейся бури. Это был ответ одного из подопечных горшечного мастера, который, помимо прекрасной посуды, изготавливал также едва ли не лучших во всей Галиции големов, которые уступали искусностью только лежайской мануфактуре и творениям мастера из Праги.

– Господа, – прошептал Шиман, и все навострили уши не только из уважения к силе любимчика гончара, но и чтобы услышать, что этот человек, считавшийся мудрецом, хотел сказать. – Дракон Полак не ест несвежее и чужое мясо. Совет города позаботился об этом, учтя легенду, которая повествует о его любви к фаршированной баранине. Мы должны найти другой способ.

– А ваш голем? – предпринял попытку Кунтц. – Он бы справился с бестией?

– Может, дюжина големов и смогла бы противостоять дракону, – Шиман покачал головой, – но я не знаю, не убьют ли они его. А даже если и так, часть из них он растопчет, и тогда следы могут привести ко мне.

– Ну хорошо, зверь жрет только мясо из города, – не сдавался Кунтц. – Не верится мне, что он такой уж чувствительный. Тогда давайте подбросим ему девственницу, фаршированную магией или наркотиком.

– Не притронется, – оборвал его Кутшеба, хотя он и не был уверен. Просто сама идея подсовывать дракону девственницу ему совсем не понравилась.

– Нет, ну в это я точно не поверю! – запротестовал Кунтц. – Все драконы с ума сходят от одного только запаха бабской киски! Господин Океанский, этот ваш дракон гомик, что ли? Так мы ему быстро найдем девственника!

– Этот наш дракон, – медленно ответил Кутшеба, – заключил специальный договор с Советом города и не нарушает его. Я знаю, – он поднял руку, сдерживая протест гнома, – драконы глупые. Все, герр Кунтц, но не этот. Этот мудрый.

Гном фыркнул. Он хотел еще что-то сказать, но Шиман не позволил ему открыть рот.

– Вы знаете, герр Кунтц, что такое чакра? – спросил он и продолжил, не ожидая ответа: – Это такой святой камень. Мудрецы на востоке говорят, что такие камни есть в семи святых местах на Земле. Один из них лежит под Вавелем. Испокон веков сюда приезжают из Индии, чтобы погреться в его лучах. Был ли он здесь до года Предела, я не знаю. Но мне известно, что с тех времен, как все изменилось, этот камень находится в какой-то вавельской скале и излучает энергию. Мудрость. Даже вавельские кирпичи имеют свой разум, герр Кунтц. Даже дома здесь мыслят. А Колокол, так тот вообще философствует, и профессура университета лишается чувств, когда его слышит. Так что прикинь, герр Кунтц, как от этой чакры мог поумнеть дракон. К сожалению, он очень умный и провести его будет нелегко.

– Чакра-сракра, – буркнул разозленный герр Кунтц, но больше не отрицал драконьей мудрости. – Так что расходимся по домам и забываем об этом деле?

– Что-то придумаем, – остановил его Кутшеба. – Ко всему можно найти подход.

* * *

Июнь 1972 года по старому календарю, пятьдесят седьмой год Предела, двадцатый год Мира, где-то над Вековечной Пущей

– Я не знаю, что делать с этим чародеем, – побеспокоил Новаковский Кутшебу. – Признаюсь, появления такого противника я не предвидел. Я могу защититься от магических снарядов, чародейских изменений погоды и проклятий, но не от кошмаров. Мы, марсиане, не видим снов и, очевидно, мало внимания уделяем человеческим снам. Те, с «Ягелло», это знали.

– Раз уж мы об этом заговорили… Что вам о них известно? Насколько они могут быть опасны?

– А что вам известно о человечестволюбцах?

– Что они охотно отослали бы вас обратно на Марс, а то и подальше. Что те, кто поумнее, берут с вас пример и, вместо того, чтобы вести партизанскую войну, вкладывают украденные поколение назад деньги в развитие технологий. Что одним из их мудрейших лидеров является Генрик Якубовский, президент Галицийских железных дорог, сенатор Республики Наций, глава Польской независимой партии. Важная персона, которая может себе позволить строительство флота дирижаблей то ли из своего кармана, то ли в рамках инвестиций ГЖД. Вы обокрали Галицийские железные дороги, господин Новаковский? Если так, то вам лучше переезжать на Марс, и как можно быстрее.

– Можете мне поверить, я не крал ничего у Железных дорог. Я, может, и из космоса, но не сумасшедший.

– Так что, те дирижабли – это личная инициатива?

– Не совсем. ПНП действительно приложила к этому руку. Якубовский не вкладывался в производство самостоятельно. Как вам известно, сенат Республики Наций – это, как и сама Республика, фасадная организация. Галицийские железные дороги, как и большинство других корпораций, не придают большого значения договорам, которые подписывают с правительством Республики. Но совсем другое дело – договоры между корпорациями. Пять лет назад Галицийские железные дороги, Европейский транспорт, «Роллс-Ройс» и «Шкода» подписали договор о взаимном сотрудничестве в сфере покорения неба. С тех пор они ведут совместную работу над созданием аэропланов и дирижаблей. Во всяком случае, официально. Потому что неофициально каждая из сторон старается опередить своих так называемых союзников. «Баторий» и его братья – это результат такой неофициальной, и даже нелегальной, деятельности. Официально созданию дирижаблей содействовали также князь Тадеуш Радзивилл и граф Юзеф Костюшко, оба несколько… эксцентричные личности, аристократы, достаточно богатые, чтобы позволить себе такие игрушки, как собственный воздушный флот. Прикрытием им послужила подготовка атаки на Вечную Революцию, на территории которой отыскалась часть земель, принадлежавших ранее Радзивиллам. Но Якубовский очень хотел получить фору в соперничестве со своими партнерами.

– Украв «Баторий», вы ударили по амбициям Якубовского, но одновременно задели и человечестволюбцев. Прекрасно.

– Это было неумышленно. Раздраженный Якубовский внимательнее присмотрится ко всем своим проектам и, быть может, узнает, что я участвовал в некоторых из них. Несмотря на это, время меня поджимало. Но ему и правда придется объясниться со своими партнерами, а тот факт, что он позволил мне войти в игру, ослабит его позиции. Это будет на руку Европейскому транспорту, а директора этой компании промарсианские.

– А ведь это должен был быть обычный поход за сокровищем!

– Мы найдем сокровища, господин Кутшеба. Уверяю вас, мы их найдем. Большие и прекрасные.

* * *

Не получив помощи от марсианина, Кутшеба пошел к Яшеку, который неумело пытался поговорить с Вандой. Девушка игнорировала своего обожателя, опасно перегнувшись через борт, чтобы как можно лучше рассмотреть Вековечную Пущу.

– Дуб! – прокричала она, заметив исключительно интересное дерево. – Тысячелетний дуб. Это уже прямо Господин Дуб. Здравствуй, Господин Дуб!

– Я мог бы поговорить с птицами, которые на нем сидят, – пробормотал Яшек. Когда девушка повернулась к нему, он покраснел и неуверенно закончил: – То есть если бы они сюда прилетели. Может, вы, госпожа, могли бы сюда кого-то позвать?

– Я не умею с ними разговаривать, – с сожалением ответила девушка и снова перегнулась через борт, чтобы давать имена новым деревьям и духам. Все время живя с богом, она, видимо, не боялась никаких демонов и чудовищ. Кутшеба взял себе на заметку, что о ней стоит серьезно поговорить с Шулером. До сих пор на все вопросы о Ванде бог выкручивался и быстро менял тему.

– Ну и госпожа… – прошептал парень. – Такая красивая! Такая мудрая! Такая добродетельная!

Сидящий за его спиной Крушигор весело посмеивался. Но Яшека это ни капли не беспокоило.

– А вы, господин, не знаете, как привлечь благосклонность такой госпожи? – выпытывал Яшек у Кутшебы, когда тот оттащил его в сторону. – Вы же много где в мире бывали. Я только знаю, что, если бы я ей чем-то помог, она бы увидела во мне удалого парня и полюбила. Но ей не нужна помощь, и я совсем не знаю, что делать.

– А твоя цыганка не может тебе помочь?

– Такой помощи я не хочу! – резко выпрямился парень. – Это должна быть настоящая любовь! К тому же Сара боится ее отца, – добавил он тише.

Кутшебу тронула его стеснительность. Отдавая себе отчет, что, быть может, сейчас он просто поддается дарованию паренька, он обнял его за плечи и повел к каюте, в которой с трудом разместили великана и цыганку.

– Может, я и помогу тебе, Яшек. Но ты знаешь правила. Сначала ты должен помочь мне. Пойдем поговорим с твоей смуглой приятельницей.

– Но я же говорил, что не хочу волшебства!

– А мы будем говорить не о твоих любовных переживаниях, сынок, а только о твоих кошмарах.

За ними следом, сотрясая палубу, шел Крушигор. Люди, проходящие мимо него, смотрели на великана с беспокойством и плохо скрываемой враждебностью. Великан мог нечаянно вызвать поломку, а то и катастрофу дирижабля. Мочка уговаривал его не покидать каюту и как можно меньше двигаться, но Крушигор не слушал его: он беспокоился о Яшеке, а с другой стороны, недолюбливал капитана. Однако он вполне сознавал, какой он тяжелый, поэтому старался двигаться осторожно и делать маленькие шаги. Только в присутствии Мочки он демонстративно топал, как будто хотел проверить, выдержит ли палуба.

– Тот второй корабль, – отозвался он вдруг. – Я к вам обращаюсь, господин плохой человек, вам же нравится, когда вас так называют. Чувствую, мы еще от него натерпимся.

– Может, ты тогда и пригодишься, великан. Разнообразия ради.

– Язвите себе, язвите. Я жизнь повидал. Натерпимся мы от него. Эх, кабы вы с Яшеком контракт разорвали, я бы согласился его заменить.

– Не справишься. У вас разные силы. Не судьба, великан.

– Плохой вы человек.

– Плохие сейчас в цене. Да и тебя к святым не причислишь. У тебя свое проклятие. Не перечь, я его чувствую.

– Как и я ваше. Могу рассказать, что мне приходится скрывать. Я тоже когда-то был плохим. Мы с Железным Марчином ходили по домам и не щадили никого – ни людей, ни нелюдей. Пока однажды нас не настигли стражники Железных дорог. Марчин тогда решил, что с него хватит ходить без протекции, и отправился искать могущественного покровителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Канун Леки Дукаджини» – свод правил, своеобразный закон, введенный албанским князем Лекой III Дукаджини в XV веке, который позволял албанцам жить по патриархальному укладу и давал право свершать кровную месть между кланами.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mayka_pavel/mir-mirov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить